

Виктория Чуйкова

Вилан
гнев Ангела

Пятая книга серии
«Велюр»

Виктория Чуйкова
ВиланЖ. Гнев Ангела.
Пятая книга серии «Велюр»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26338616
ISBN 9785448575754

Аннотация

У Вилен есть все, даже то, о чем она и не мечтала – любимый, любящий муж, взрослые дети, здоровье и даже уверенность в долголетию. Она счастлива, хотя и вздыхает, понимая, что всего этого могло и не быть, не встретить она Его, любимого. Только... Одна непонятая фраза, один холодный взгляд, всего раз не произнесенное имя – рушат жизнь полностью.

Содержание

Часть первая. Меня больше НЕТ!	5
Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	47
Глава 5	64
Глава 6	77
Глава 7	84
Глава 8	96
Глава 9	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

ВиланЖ. Гнев Ангела

Пятая книга серии «Велюр»

Виктория Чуйкова

© Виктория Чуйкова, 2019

ISBN 978-5-4485-7575-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Меня больше НЕТ!

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны,
И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь

В. Шекспир

Предисловие

«Прошлое не умирает, оно делает нас людьми»... – слова дочери, ненароком услышанные, так тронули Вилену, что она долго не могла заснуть. Лежала тихо, отвернувшись к окну, засовывала воспоминания своей, не короткой жизни, как можно глубже, утаптывала, утрамбовывала, закапывала, чтобы не думать о них, не переболеть вновь и не взвалить «историческую» тяжесть на плечи мужа, но память предательски насмеялась над ней, делая воспоминания в стиле «7Д».

«Господи! – думала она. – И зачем все всплыло? – Прикрыла глаза рукой, промокнула набежавшую слезу, развернулась, прижалась к спине мирно спящего супруга. – Как же с ним хорошо! Он послан мне в награду за все, несладко прожитые годы. Жан...» – провела рукой по сильному, стальному плечу. Захотелось поцеловать, но боясь разбудить, чуть отстранилась, легла на спину и непослушная слезинка все же проделала дорожку для подруг. – «Как, как я могла все это пережить?! С ума сойти.... Все годы молодости прошли за чертою невезения.... Даже подумать страшно.... Если бы не он, то закончилось бы все, так и не начавшись. Лежала бы в своей холодной постели и перечисляла бы свои „не“. Ох, а их бы набралось не мало. Одно „НеДоЛюбила“ чего бы стоило! А так вот он, рядом, нежный, родной, заботливый, понимающий, всепрощающий.... Что-то чересчур много я ему

звездочек вешаю. Но как иначе?! Тут не отнять и не прибавить! Он и то, что было.... Он – мой мужчина, самый-самый! Моя первая любовь, настоящая, а не юношеская влюбленность. Мой единственный курортный роман. Хотя и назвать ту встречу романом не могу – увидели друг друга, понравился, и я ему приглянулась, погуляли по кромке берега, скромно, наивно, трепетно держась за руки. Говорили много. И было о чем говорить, у нас как-то сразу нашлось столько общего.... Потом я уехала. Нет, меня увезли. А он, он меня нашел. И пусть от первой встречи до создания семьи прошло тридцать лет, он же все эти годы любил. Любил и искал. Теперь Жан со мной, или я с ним. Ах, разницы-то никакой. Я с новой силой люблю его. И не потому, что дал мне все: новую жизнь, здоровье и достаток. Люблю потому, что он лучший и непревзойденный!» – ее мысли понеслись, чередуясь с событиями прожитых лет, разматываясь, как катушка ниток упавшая с многоэтажки. – «Кукушонок». – Прошептала она вслух и не успела обосновать сама себе последнее определение, как рука мужа обняла, наполнила ее теплом, а вслед за ним и покоем. Вилена улыбнулась, поцеловала его крепкие мышцы, прикрыла глаза, мельком заметив, как за окном рождается заря...

Глава 1

Для чего живет человек, на этой бренной земле? Для прожигания самой жизни? Для расточительства на мелочи? Что есть наша жизнь – нажива или наслаждение? Достигая желаемого, получая все больше и больше, теряя при этом сердце – жив ли сам человек? Жизнь – это любовь. Любишь, значит живешь! Простая формула.

****

– Так и будем гоняться за призраком, и играть в неведение? – Вилен стояла у окна гостиницы и смотрела на снующий внизу людской муравейник. Муж сидел на диване, просматривал местную прессу, краем уха слушая ее. «Мелькающие» в сознании Виен мысли детей, непонятные разговоры, эхом доносившиеся, благодаря обретенному, совсем недавно, дару, постоянно дергали ее нервные струны. А вот сегодняшний сон просто взвинтил женщину. – Не пора ли вернуться? Жан! Ты слышишь меня? У детей проблемы!

– Ви, любимая, я верю всему, что связано с тобой и трепетно отношусь к твоим предчувствиям, но дети настолько взрослые, что у них свои семьи. Это первое, второе – мальчики, как ты их называешь, уже достаточно великовозрастные, опытные мужчины, имеют свой, не шуточный бизнес, со штатом сотрудников и умело ими управляют. И, наконец, третье – там Михаил. Я специально оставил его в доме. Ес-

ли бы что-то случилось серьезное, он бы сообщил. Поверь, Михаил может заменить меня во всем!

– Я запомню. Это поможет мне согреться в скучные, зимние ночи, когда ты будешь в отъезде. – бросила так спокойно, с холодком, не соизволив даже глянуть на мужа, что Жан не сдержался:

– Не шути так. – по-доброму усмехнулся ее колкости, пряча за газетой, и поднял к ней уже совершенно серьезное лицо.

– А как? Если ты отмораживаешься! – отвернулась от стекла, присела на подоконник.

– Вилен! Ты сама просила дать им самостоятельности. Сама сколько раз тыкала меня носом в устаревшие правила Рода. Но если ты хочешь вернуться, мы возвратимся, сегодня же.

– Спасибо! Буду очень рада. А можно вопрос, уж очень любопытно? – Жан улыбнулся и кивнул. – Мужчины все такие, или только ты?

– Я же сказал – возвращаемся!

Брови Виен сомкнулись домиком, от рвущихся противоречий, но она сдержала себя, укоряя: «И чего я завелась? Зачем на него бурчу? Он и так, вот уже год, ломает собственные устои, ради меня, между прочим! Не доказал ли он мне, что любит, что я ему нужна? Доказал! И, Ви, признайся, кто кому больше нужен, он тебе, или ты ему? То-то! Молчала бы чаще, дыша в две дырочки».

– Ты о чем там так усиленно думаешь? – перебил ее мысли Жан.

– Песенку вспомнила, вот напеваю.

– Песенку, и про кого? – Жан уже не мог сдерживать свою улыбку, даже не догадываясь об истинных мыслях жены.

– Про птицу гордую.

– Не слышал такую.

– А ты послушай, часто по радио крутят. – Виен покрылась легким румянцем на его кивок, в обещании исполнить и эту просьбу, и прежде чем закончить диалог, похожий на односторонний спор, проговорила: – «Я – птица гордая!» – сразу же выйдя из комнаты, закончила: – «Я курица!» – Не сдержала смеха, от любимой песенки младшей дочери, примененной к ситуации.

Они прибыли под утро. Жан, настроенный женой слегка негативно, проводив ее в их комнаты, спустился к охране:

– Так, что у нас тут стряслось? – поздоровавшись кивком и протягивая поочередно руку, осведомился он, у встретивших его мужчин.

– Жан! Все было спокойно, вдруг Евгения звонит: «Эд ранен»!

– Михаил, Игорь, не делайте меня глупее, чем я есть! – слова друга выбили Жана из колеи, сын ранен, а он не в курсе! Завелся, но все еще держал себя в руках. – На пустом месте ничего не бывает.

– Крутился тут один. Думаем с ним это и связано, но боль-

ше мы ничего не знаем.

Жан впился в них глазами, переводя взгляд от одного к другому. Игорь, молодой мужчина, скорее сын, чем служащий, будучи взят им на опекунских правах в юношеском возрасте, съезжился под его взглядом. А Михаил, друг, соратник, доверенное лицо во многих делах, держался уверенно и независимо. Жан обладал умением – видеть людей насквозь, подчинять их своей воле. Немногим удавалось выдержать это или увернуться, не выложив правду, когда он это требовал. Узнав же все, не без труда, что знали эти двое, Жан ушел, не сказав больше ни слова.

****

Эд проснулся, как от толчка, прислушался к своим чувствам, к тому, что его разбудило, приложил руку к ране, опрометчиво полученную несколько часов назад, вздохнул и выбрался из постели. Ступая осторожно, пытаясь не разбудить жену, вышел в ванную комнату и закрыл дверь. Сняв повязку, рассмотрел порез, тот практически затянувшись, кровь брата сделала свое дело, ускорив процесс заживления. Мозжечком почувствовал – отец в доме, значит ситуация посерьезней, чем ему думалось. Накладывая свежий компресс, обдумал все, что произошло накануне, прокрутил пару раз все свои промахи, подготовился для разговора с отцом и, убедившись, что сон не вернется, занялся собой.

Вел потянулась, открыла глаза. Все отрицательное осталось позади, утонуло в лучах заката и хорошее настроение

проснулось с ней. Дверь в ванную была едва приоткрыта, Эд брился, тихонько, стараясь ее не будить. «Убить его самой, чтобы не мучился?» – любовь к нему переполнила, но держа марку, прошла мимо, не здороваясь, делая вид, что сердится, зашла в душевую кабинку и закрыла дверь, нарочно громко и плотно.

– Родители вернулись. – сообщил Эд, разглядывая в зеркало ее настроение, подыскивая нужные слова, чтобы не напоминать о вчерашнем безумии.

– Значит, вместо путешествия тебя ждет карцер. – высушила голову, одарила испепеляющим взглядом и спряталась назад.

– Меня?! Это же надо! Вот женская логика. – он бросил бритву и стер пену полотенцем. – Она заводит поклонников, не совсем человеческого вида, дает ему надежду, а я виноват?! Мало того, воплощает в жизнь грезы юности, и опять я виноват!

– У меня чудесное настроение! Вода поет песню водопада, так что я твоих глупых слов не слышу!

Эд положил полотенце на туалетный столик, глубоко вздохнул и открыл дверцу кабинки, но Вел не дала ему сказать ни слова, протянула руку и втянула мужа к себе.

****

Все в доме гудели о приезде Жана, вот только молодежь встречаться с родителями не спешила. Трехэтажное здание давало такую возможность. К двенадцати стол был накрыт

для общего завтрака.

– Муль, Жан, родненькие, вернулись! – радостно завизжала Ев, едва распахнула дверь, небольшой столовой комнаты, предназначенной только для семьи. – Как же я соскучилась! Как хорошо, что увиделись. Мы же сегодня уезжаем. – Жан посмотрел на ее искреннюю радость и сдержано улыбнулся.

– Привет, гулены! – вслед за Ев с Дэном появились старшие. – Отдохнули, посвежели! – лепетала Вел, так же всех расцеловала, не притворно радуясь. Но за всеми этими любезностями и радостью встрече, Жан заметил, что старшая невестка усердно пытается отвлечь их внимание на себя. Оба парня, оба его сына не спешили вступать в разговор.

Дав возможность всем спокойно позавтракать, Жан начал свою речь:

– Удивляюсь, как быстро вы спелись. Такая идиллия! Сказать ничего не хотите?

– У нас самолет ночью. – Эд поднял глаза, принимая огонь на себя, собственно, и считая себя виновным в скоропалительном возвращении родителей. – До отлета же, нам с Дэном нужно успеть заехать за моей разработкой. Можете поздравить, приняли. Потом мы разведемся.

– Эд! – открыв широко в удивлении глаза, Вел посмотрела на него: – и ты мне ничего не сказал!

– Не хотел хвастаться, всего лишь пробный экземпляр, думал показать на деле. Проверим в клинике Дэна, затем на поток.

– Поздравляю! Горд за вас! – от души порадовался Жан, Виен улыбнулась и подмигнула Эдгару, подбадривая, готовя к серьезному разговору. – И все же, колитесь!

– Может, мы постоим пять сек в углу, и обойдемся без слов? – сооротив милейшую мордашку, кокетничала Ев. Она могла вспылить, могла заметить им, что они вовсе не дети, что как-то и без них могут решить мелкие трудности, но не сделала этого, не тот был случай, чтобы вот так его решать.

– Дочь! Жан всего лишь хочет разобраться, что к чему, так что лучше не тянуть, а быстро изложить суть.

Эд собрался все выложить, как на духу, но Дэн его опередил и, упуская некоторые детали, а именно безрассудство брата, пояснил отцу пребывание Ларсена в их доме:

– Тут без случая не обошлось. Парнишка, то ли заблудился, может просто любопытствовал, точно не знаем, попал в лесничество и, прямо в волчий загон. Подрали его основательно, пришлось взять на домашнее лечение. Вы же понимаете, что мы не могли его отправить в больницу, по ряду причин. Да и прессы нам здесь, как и проверок, не надо. На мое удивление он быстро шел на поправку. Отец, я лопухнулся, но поверь, даже подумать не мог, что парень не простой, а пришел из леса. В общем – он оказался оборотнем.

– И что, – Жан нахмурился, – после выздоровления он предъявил претензии?

– Если бы! – опять не дав брату сказать и слова, Дэн про-

должил. – Влюбился! Да сразу в двоих. Попытался наших девочек забрать силой. Мы же не могли стоять и смотреть на это?! Эд принял бой на себя, и... – Дэн замолчал, давая фантазии отца нарисовать картинку и принять события в тех красках, на какие способен родительский мозг. Уклончиво поглядывая на Вилен, прекрасно зная, что она прочла в их головах намного больше!

– Да уж!... Схлестнулись два рода.... Однако.... – Жан задумался, взвешивая все «за» и «против», рассматривая всевозможные последствия, готовясь принять решение: – Я надеялся, что не все так серьезно. Говорите, он показал себя? – четверка кивнула. – Интересно... – Жан прищурил глаз, смотря куда-то поверх голов и вдруг, словно вострепнулся, хлопнул ладонью по столу: – Хорошо! Собрались – счастливой дороги. Только, по возвращению мы вернемся к этому разговору, и простите меня, определенные правила жизни будут возобновлены.

– Правила?! – Виен резко повернулась к нему, она начала закипать. Еще не прошло и суток, как он не слушал, отмечая ее предчувствия, а теперь – правила!

– Да, дорогая! И ты об этом должна подумать первая. Хочу напомнить всем присутствующим, кто мы. Пять лет, и ваши друзья, знакомые, начнут задумываться, что не так. Лично мне не хочется переезжать с места на место, прячась и маскируясь. Советую и вам, посмотреть на себя по-взрослому и тихо отойти от больших разгулов. Вот же, гуляем до годов-

щины и свертываем выставление себя публике. Мнение всех мне интересно, но я его выслушаю после вашего возвращения. Есть время найти веские доводы моей несправедливости, а сейчас, прошу прощения, но мне надо переговорить с Эдом, наедине.

Сын без возражений поднялся и пошел за отцом. Дэн наклонился к Ви:

– Что ты с ним сделала? Просто генерал! – поцеловал руку, прищурил левый глаз, поднимая правую бровь, словно восхищаясь ею, и направился к двери.

– А ты куда? – окликнула его Ев.

– Хочешь, чтобы Эд отдувался один?! – Легкость, неприужденность, юношеский запал исчезли бесследно. Дэн открылся с новой, по-мужски, взрослой стороны.

Виен закачала головой, скорее собираясь с духом, чем с мыслями, и решила начать просто:

– Девочки, вот зачем такое легкомыслие?

– Ма! Мы не подумали! Просто, мы еще не привыкли к изменениям в жизни.

– Я тоже... Хорошо, оставим это, время будет обсудить все не спеша. Но, вы-то понимаете, что Жан прав? А он и половины не знает того, что было в действительности.

– Мама! – обе насупили брови, собираясь спорить и доказывать свою невиновность и правоту, как делали всю жизнь, только в голове Ев поплыли картинки и она, положив руку на плечо сестры, перевела стрелки разговора в другое рус-

ло. – Скажи лучше, как отдохнули?

– Отдохнули? Хорошо сказано. Мы за Филиппом носились, правда, не знаю зачем. Ясно же, что он появится здесь. Однако, мой генерал – настоящий полковник!

– Неужели, правда, только погоня?

– Как бы вам сказать?... Театры, рестораны, новые города, строго по его маршруту. Хотя, если положить руку на сердце, было неплохо. Я же строптивая!

Дочери рассмеялись и не заметили открывшейся двери.

– Делал с любовью! – Жан поставил на стол поднос с мороженым.

– Хорошо, хоть Любовь была одна на троих, а то бы я ревновала. – склонив голову слегка набок, Виен пыталась прочесть мысли мужа, а он старательно думал только о ней.

– Что? – Жан, не поняв очередную «шпильку» жены, выпрямился как сталь. Остановившиеся у двери парни тоже замерли, ожидая реакции отца.

– Что не понятного? – Лицо Ви было без единого намека на шутку, – я бы не выдержала еще и Веру, и Надежду.

– Виен! Ты вечно вводишь меня в ступор!

– А говорят ты генерал. – она взяла пиалу, отведала ложечку. – Да, Надеюсь, что понравится, Верил, что удивишь. А говорил – только с Любовью. Спасибо, дорогой, вкусно!

– Вы все, втроем – невыносимы, но я вас обожаю! – Жан присел спокойно, беззаботно поглядывая на детей. Она же прочла в его голове: «выяснил все, что хотел», значит, зна-

ет что делать, можно и расслабиться. Дети уедут, а их дни не будут уходить на решение очередных проблем.

****

Немного странная, непривычно дружная, многочисленная семья Гаев. Еще недавно они жили порознь: Жан – отец двух великовозрастных красавцев, и Вилена – мать прекрасных, взрослых дочерей. Но у Провидения было хорошее настроение, и оно свело их на одной стезе. Вот теперь это единая ячейка общества, хоть и обособленная, с невероятно запутанной, долгой историей и тайной, старательно скрываемой от окружающего их мира.

Глава 2

– Дэн! Мы опаздываем! Очень серьезно опаздываем! – Ев уже начинала прыгать на заднем сидении такси, и Дэн никак не мог сдержать ее волнения:

– Не трясись! Успеем. Рейс частный, вещи отправлены. – Погладил ее по спине, но все же обратился к водителю: – может можно как-то форсировать?

– Ускорить-то можно, только штраф кому платить?

– Мужчина, черепаха у меня быстрее ползает! – очередная реплика сорвалась с губ Ев и Дэн опять ее поддержал.

– Штраф оплачу Я! Все дешевле, чем отстать от самолета.

– Как скажешь! – посмотрел на них в зеркало и, обогнав пару машин, пристроился к Запорожцу, пропуская крутые тачки.

– Скажу, что вы не на своем месте! – не унималась Ев, а водитель, будто дразня ее, все никак не удовлетворял их просьбу.

– Шеф! – не выдержал Дэн, – Ты играешься или хочешь остаться без оплаты и работы?

– Мажоры! – буркнул мужчина и нажал, наконец-то, на газ.

Примчались за пару минут до отлета. Поднявшись на борт, Ев вздохнула, собираясь найти свое настроение, не спеша рассматривать спутников.

– Агов! – услышали они знакомый голос, как по команде, вдвоем повернули головы. На соседних креслах сидели старшие.

– А вы что тут делаете?! – удивление Ев не знало границ. – Невероятно! – она так и стояла в проходе, не обращая ни на кого внимания, недовольно смотря на родственников.

– Мы, что делаем? Сидим! Это вы скажите, чего сюда ворвались? Рейсов мало? – возмущалась Вел, сидя в кресле, рукой придавив мужа к спинке и испепеляя сестру взглядом.

– Я первая спросила! – возмутилась Ев, отбросив руку Дэна, пытающегося ее усадить. По салону пронесся шепот, и десяток глаз приклеились к ним.

– А я уже сажу! – вредничала Вел.

– Девочки! – Эд попытался их утихомирить, – на нас все смотрят!

– И что?! – дуэтом набросились на него обе. Парень поднял руки, давая им словесную свободу.

– Стоп машина! – воскликнула Вел и оставив без внимания сестру, принялась за мужа. – Эд! Вы что, нарочно подстроили?!

– Сам удивлен. Правда! Мы же с тобой билеты брали. Дорогая, да успокойся! – Вел насупилась и отвернулась. Тем временем Ев заняла свое место и муж ее, положив свою сумку на полку, присел рядом. – Дэн! – Эд тихо позвал брата, который принялся с женой обговаривать тот же вопрос. – Как так получилось?

– Да, какая теперь разница! – махнул рукой тот и ответил на очередную колкость Ев.

– Собственно прав! Ну, привет, братишка! Надеюсь вместе до посадки?

– Конгруэнтно! – Дэн глянул на него, вздохнул и, откинув голову на спинку кресла, смотрел вперед.

– Пристегните, пожалуйста, ремни! – наклонилась к ним стюардесса, мило улыбаясь, так как они за спорами пропустили общее приглашение, и подарила обоим мужчинам чарующие взгляды. Этого было достаточно, чтобы одна и вторая забыли друг о друге, о стечении обстоятельств и обменялись взглядами.

– Дорогой! – очень тихо позвала Вел. – Это частный рейс?

– Да! – спокойно ответил Эд, без тени на лице, без внимания на ее изменившееся настроение.

– Именно этой компанией ты постоянно пользуешься?

– Бывает!

– Понятно! – откинулась назад, сложила руки замком и отвернулась к иллюминатору.

– Вел! Ты о чем? – необычность ее вопроса начало доходить до Эда.

– Ни о чем! Готовлюсь к полету.

Холодок пробежал у мужчины по спине, он погладил ее по руке, постарался обнять:

– Солнце мое! Даю слово, я не знал, что мы будем на одном рейсе с младшими. Вел! Что-то не так?

– Нет, нет, все так! – отмахнулась она, даже не повернувшись. Взревели турбины, и Эд отложил разговор до «потом».

У Ев была другая реакция. Она оценивающе посмотрела на девушку, затем на Дэна и произнесла: «Ну, ну!» Не дотронувшись до ремня, удобно уселась в кресле и взяла торчащий рекламный журнал. Ничего не понимающий Дэн, застегнул ее ремень и не спеша заняться своим, задал односложно вопрос:

– Что?

– Что «что»? – продолжала перелистывать странички Ев.

– Иголки подняла.... Что я сделал не так?

– С чего ты взял? Все так. Все так!

– Гения! Может, я чего-то не понял, но...

– Зато мне **ВСЕ ПОНЯТНО!** – старательно выделила два последних слова, нервно пролистнула еще пару страниц. Дэн удивленно поднял брови, а Ев, с демонстративным возмущением всунула журнал обратно и закрыла глаза.

– Гения! – не унимался Дэн, – честное слово, я не знал, что лететь будем вместе, но не стоит из-за этого психовать. – Он наклонил голову, целуя ее руку, но Ев, будто не заметив его движения, принялась поправлять волосы, затем положила на подлокотник, переведя все свое внимание за иллюминатор.

– Ев!

– Да?

– Посмотри на меня.

– Прости! Ты же знаешь, я трудно переношу полет. Хотя, зачем тебе помнить? – и всунула наушники в ушки.

– Откуда мне знать, летим впервые. – пожал плечами, посмотрел на брата, тот на него, обменялись вопросительными взглядами и уселись в ожидании высоты.

– Ев! – позвала Вел едва в ушах пропали пробки, – ты не хочешь пересесть ко мне?

– Спросила?! Конечно, хочу! – и тут же бросила Эду, даже не глядя на мужа. – Пересядь!

– Ев! Тебе может быть плохо, сама только что созналась, что не переносишь полеты, лучше останься. – заметил Дэн.

– Лучше кому? – спросила, просовываясь мимо, даже не думая слушать ответ.

– Вел! Мне не трудно пересесть, но я не понял причину рокировки? – Не обращая должного внимание на настырное дерганье его плеча рукой Ев, Эд решил выяснить, такой резкий холод жены.

– Вам так легче будет клеить стюардесс! – прямо в ухо проговорила ему Ев, вместо сестры. – Вон, уже столпились, монетку бросают, кто первый вас осчастливит. Эд! Я долго буду торчать в проходе?

– Извини! Присаживайся! – Эд поднялся и сел на ее место.

– И что случилось с ними? – уточнил у него Дэн.

– Стюардесса! Они решили, что мы знакомы!

– Что? Ты серьезно? – Дэн рассмеялся, не заботясь, как отреагирует Евгения.

– Более чем!

– Эд! – Дэн бросил взгляд на девушек и развернулся к брату: – Ты бы лучше объяснил Вел, что это не так. Не хватало нам ее бурной реакции!

– Да вроде спокойно. – призадумался тот.

– Это пока стюардесса не появилась! – Дэн отбросил всю комичность ситуации и стал совершенно серьезно думать над возможными последствиями.

– И что мне ей сказать? И почему именно Вел? Она-то как раз, осталась на своем месте, а вот...

– Сиди уже, сам буду разруливать! – Дэн подошел к соседнему креслу. – Оправдываться не намерен, не в чем. Хочу лишь высказаться. Вспомните, сколько раз за год мы от вас уезжали сами и как. Это первое. Второе – лично мне больше нравятся стюарды! – развернулся, на что Ев показала ему язык и уставилась на штору, за которой шушукались две девушки, подглядывая в щелку на их мужей.

– Что ты им сказал?

– Ничего особенного, просто напомнил, что предпочитаю стюардов.

– Думаешь, прокатит?

– Не важно. Вот чего мы тушуемся, будто в чем-то виноваты?!

– Да ни в чем мы не виноваты и они это знают. Это все их характер!

– А мы потакаем. Эд! – Дэн, бросил взгляд на сестер, что-

то бурно обсуждающих, придвинулся к брату и тихо, чтобы не дай Бог, жена не услышала, заявил. – А мне это нравится. Баловать, извиняться, сам не зная за что. Мириться, не понимая причины ссоры. Я подкаблучник?

– Ты все еще влюблен, как и я. Не просто любишь. Это что-то больше влюбленности! Да не все ли равно, как это называется. Нам хорошо! Ведь так?

– Так-то, оно так, но судя по лицам наших половинок, они готовят сюрприз.

Ев прищурила глаз и не отводила взгляда от девушки, то и дело поворачивающей голову в салон и посылающей улыбки, даже не задумываясь, попадают они в цель или нет. Вторая шептала ей что-то на ухо, сигнализируя глазами на них. Даже без умения читать мысли или по губам, было ясно, они обсуждают их четверку.

– Маленькие сучки! – процедила сквозь зубы Ев. – Ну, что за время! Куда не глянь, пираньи так и кишат!

– Да брось! – отмахнулась Вел: – Какие там пираньи, так подсушенная вобла! Увидели дорогие костюмы, чистую обувь, портмоне набитое карточками, выхоленные, смазливые мордашки. Впрочем, глядя на этих двух, им безразлична внешность, главное, что в кармане!

– Права! В их камерке на лицо не посмотришь!

– В комнатухе? Я думаю, что тут заканчивается романом в службах. – засмеялись. – Вел! Тебе пора издать талмуд: «101 уловка или, что говорит о респектабельности муж-

чины!»

– Возьму в соавторы, идея блеск. А пока скажи, как нам узнать, что думает эта фифа?

– Маму вызывать не будем. – хихикнула Ев. – Да что гадать, тут на лбу все написано!

– И все же, хочется немного пошалить.

– Пошалить или проучить?

– Разве это ни одно и то же?

– Ну, разница конечно есть! Собственно я давно хочу, кое-что проверить, пока не было на ком.

– Так не теряй время! Полет быстрее закончится.

– Вел! Только пообещай, ты не забудешь, что мы в воздухе.

– Я что, больная?

– Мы все нездоровы, иначе бы штопали носки. – секундная пауза. – Дамы и господа! – прошептала Ев сестре на ухо: – Шоу начинается!

Стюардесса, подняв голову, виляя бедрами, как манекенщица из сельского кружка, шла по проходу и толкала тележку с напитками, записывая заказ на обед. Мимолетом глянула на девушек и отвернулась. Ев этого было достаточно, чтобы попасть в ее умишко. Уж таким она обладала даром – гулять по сознанию человека, прикидываясь тем, кого тот желал видеть и, мимоходом, вынуждать к откровенному разговору. Но это еще не все, что она могла, только об этом чуть позже. Пока же, эта высокая, худенькая девушка, с копной

черных волос, серо-голубыми глазами, томно прикрытыми роскошными, длинными от природы ресницами, была занята стюардессой.

– Добрый день! – наклонилась та к парням, намного ниже, чем следовало, показывая пышность своих округлостей. – Меня зовут Люси, я ваша стюардесса. Что желаете? Чай, кофе, напитки!

– Люся! – ударил Дэн ее бейджик, говоря нарочито громко: – Не могли бы вы выпрямиться? – и сдвинув ее, задал вопрос девушкам: – Милые, что вы хотите?

– На ваше усмотрение, дорогой! – ответила Ев и тут понеслось. Стюардесса заулыбалась, провела себя по бедрам и произнесла:

– Сестры или подруги? Ой, какая разница! Хоть жены! Я тут... Может, желаете переспать? У нас с напарницей отличная комната для отдыха! Совершенно бесплатно.

– Спасибо, нет! – Дэн отвернулся, кусая губу, чтобы не захохотать. Эд прикрыл глаза рукой.

– Дорогая, слышишь, мы хотим! – крикнул кто-то с задних кресел. – И Я, и я! – Люси зажала рот рукой, понимая, что слова льются помимо ее воли.

– А у вас есть стюард? – пересилив смех, спросил Эд. – Мы предпочитаем мужчин.

На соседнем кресле засмеялись, Люси пошла дальше, под взглядами и улюлюканьем небольшого количества пассажиров, медленно, от бедра, задерживаясь у каждого кресла. Ее

юбка резко упала к ногам. Девушка наклонилась, не додумавшись присесть, показав всем прозрачные стринги, вернее то, что съедало их сзади. Но белые чулочки были хороши, что и озвучил какой-то нескромный малый с последних мест. Его голос вывел девушку из транса, поняв, что случилось, она скрылась за ширмой. Юбка! Это была игра Вел. Жены Эдгара и старшей сестры Евгении. Она умела и больше, но передвигать предметы, снимать вещи, расплести косы – одна из забав, какую девушка освоила, как только получила дар, после перерождения, которое они с сестрой прошли совсем недавно. Ее рыжие локоны просто сияли на серой обшивке кресла, а зелено-синие глаза, метнув на стюардессу быстрый взгляд, насытились бирюзой и спрятались за прикрытыми веками. Одна минута и ее настроение вернулось, даже усмешка пропала, словно девушка была не в курсе происходящего. Облизав слегка подчеркнутые гелем губы, отвернулась к сестре.

– Кудесницы! – братья повернулись к ним, – только начало полета. Что ждать дальше?

– Ой! А что случилось? – наивно глядя мужьям в глаза, спросили обе: – Мы что-то пропустили?

– Отличный, европейский стриптиз! – пояснил Эд, прекрасно зная, что это дело, «глаз» жены. – Вел, можно мне приземлиться на место?

– Приземлиться то можно, если ты знаешь, где оно!

– Мое место, только рядом с тобой! Пошутили и хватит.

Пожалуйста! – Эд добавил твердости в голос, заранее поднявшись с места. Его, почти двухметровый рост, был ощутим в проходе между креслами, пришлось наклониться, чтобы увидеть лица сестер. Каштановые волосы взъерошены, гречишного цвета глаза сияли, Вел сразу поняла – это его развлекло, но держалась:

– А как же подружка? Она переживет?

– Гелио! Пожалуйста, после полета! Здесь десяток невинных людей. – Эд присел в проходе, умоляюще глядя на них. Из-за его плеча внимательно наблюдал Дэн, не так оптимистически, как брат, отнесшийся к их козням. Синие глаза Дэна потемнели, испепеляющее глядя на жену, светло-русые, пышные волосы, спадали на лицо, подчеркивая волнение.

– Дай нам немного поболтать, просто поговорить. Все будет спокойно. Мы всего лишь обсуждаем написание книги.

Эд кивнул, вернулся к брату.

– Ну, что? – спросил Дэн, – сюрпризы еще будут?

– Сказать с уверенностью не могу. Они же непредсказуемы! Пообещали скоро разбежаться.

– Я тут подумал, отец прав. Мы светимся направо и налево. Если НАШИ узнают, даже не представляю, что начнется.

– Давай дадим им немного времени, пусть поиграют. – Эд-гар сжал плечо брата и оглянулся на девушек, те мирно беседовали. Вздыхнул с облегчением и забрал у Дэниэля свой стаканчик кофе.

Глава 3

Пасмурный день, в серых тонах. Бледные облака, растянувшись низкой, прерывистой цепью, монотонно плыли гонимые ветром. Вокруг было все как всегда. Тот же сад, те же дорожки, все тоже имение. Только все это не дарило радости и спокойствия. Все было безжизненно и пусто. Вилен стояла на пороге и боялась войти в свой любимый дом. Он, вдруг, стал чужим и холодным. Одиночество завывало внутри. Черные окна, потерявшие зеницы, распахнутые настежь двери, с силой хлопали от налетавшего ветра и откидывались назад, разевая бездонную пасть. Вилен охватил ужас и сердце запаниковало. Запустение подступало к ней ближе и ближе. Пересилила себя, сделала шаг и споткнулась. Затаив дыхание, боясь увидеть нечто невыносимо отвратительное, опустила голову, затем открыла глаза – ветер ворошил листья книги, беспощадно вырывая страницы. И тут она поняла, это не книга, это альбом с фотографиями. Фотографиями ее семьи!

Жестокий ветер вырывал одну карточку за другой и уносил прочь. Пыль и песок засыпали его. Подняв, бережно струсила и прижала к себе, как прижала бы больного ребенка. Снимки были повсюду, трепетали и молили о помощи. Не выпуская ношу из рук, бросилась собирать, хватая их на лету и вытаскивая из грязи.

Поздно! Природа сделала свое дело. Лиц не было, все покрылось пеленой, и медленно, одна за другой, фотографии желтели.

Слезы капали, скатывались на руки, которые сжимали засохшую, ноябрьскую листву.

Виен беззвучно кричала, упав на колени и запрокинув голову к небу, надрываясь, пытаясь выпустить вопль из груди, но даже стон застрял в ее заболевшей душе...

Бледные облака, цепью растянулись по небосклону, а на крыше ее дома, безжизненного и пустого, сражались две непонятные птицы. Огромные, как крупные мужчины. Черные и белые крылья сплелись, засыпая ее перьями, как холодным снегом...

Виен вскочила и оглянулась:

– Я заснула? Но как?! Стоп! – она посмотрела на часы, – Пятнадцать минут назад я провела детей. Как? Как можно так отключиться? Однако я же видела сон. Или это был не сон?... Это было послание! Спокойно Ви, спокойно. Ты должна понять, а не впадать в панику!

Вечерело, она посмотрела на спящее в спокойствии море. Жан, что-то серьезно решал с ИВ и охраной.

– Спокойная жизнь! Какая она? Жили с девочками одни – вечно в волнениях, заботах, поисках. Вышли замуж, и все трудности прошлой жизни, кажутся просто забавой. Как жить, как привыкнуть к новой жизни? – Виен вздохнула. – Тишина! Надолго ли?

Она обняла согнутые ноги, сплетя свои тонкие пальцы, положила на колени голову, не отворачиваясь от окна. Уже белела луна, но солнце еще алело вдалеке, добегая воды.

– Закат кровавый! Будет ветрено. Красиво... очень даже, но я люблю рассвет. Когда пробиваются лучи, разгоняя серость, выстреливая лучик, за лучиком. Когда птицы сигналият подъем. – Облокотилась на подоконник и, спустив ноги на пол, поднялась. – Погулять, что ли?

К ней скользнула кошка, всунулась между рук, потерлась ушком, издала скупое «мяу».

За спиной вспыхнул свет и отразился в стекле окна.

– Птица – синица! – она услышала голос мужа: – Ты где?

– И с чего я вдруг птица?

– От любви! Сама же днями пела: «Я птица гордая!...» –

Виен закончила про себя: «Я, КУРИЦА!», а он продолжал: – Вспомнил детство. – присев рядом с ней, взъерошив ежик ее темных волос, провел рукой по спине. Виен выпрямилась. – А что с глазами? Откуда такая грусть?

– С головы.

– За девочками скучаешь?

– И да, и нет! Вот ты закончишь их гулянья, будут сидеть дома, будут нам надоедать...

– Не надо все принимать в штыки. Я говорил не об этом. Ви! Посмотри на меня. Пойдем, прогуляемся? Как влюбленные.

– Почему как?

– Не придирайся к словам, ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

– Знаю! – став ногами на скамью, закрыла окно. Жан не упустил момента, обнял ее за колени и медленно опустился на пол. Виен, своим миниатюрным ростом, едва доставала головой до его подбородка, отчего, приходилось запрокидывать голову, чтобы увидеть выражение глаз мужа. Сейчас они были полны любви и их темный цвет, напоминал свежесваренное кофе. Лоб слегка наморщился, но тут же расправился, на лице появилась улыбка. Жан заметил, как покой наполнял ее. Еще мгновение и он снова утонул в ее синих, как майское небо глазах, таких бездонных. Руки уже обхватили ее острые, как у подростка, плечики, гладили их. Не сдержался, чмокнул в нос:

– А окно, зачем закрыла?

– Мне последнее время кажется, что тут ходят все кому не лень.

– Что? – переспросил Жан: – Кто ходит?

– Если бы я знала. Запахи чужие витают по дому. И вообще, сколько лет мы сюда приезжали, лично я думала, что дом пустует. Окна закрыты, свет никогда не горел. А теперь все нараспашку.

– Но ты же не можешь в замкнутом пространстве!

– Не могу! И с закрытыми окнами не могу, но сейчас мы уходим.

****

ОН появился ночью.

В открытое окно светила полная луна, прищунив глаз и улыбаясь. Жарко, совсем безветренно.

Виен проснулась, как от будильника. Выбралась из-под руки мужа, на цыпочках подошла к окну. Жан перевернулся на другой бок и продолжал спокойно спать.

Одинокий мужчина стоял на берегу, лунный свет, неестественно сконцентрировался на нем, добавляя сияния в его платиновые волосы. Строгая рубашка-плащ, длиною до пят, застегнута на одну пуговицу и не скрывает его мраморно – белое тело. Виен не видела его глаз, но знала, он смотрит на дом. Он смотрит на нее! Он видит ее за тонкой, не колышущейся гардиной. Любопытство охватило полностью – кто это? Что ему надо и почему у него нет мыслей в голове? Смотрела долго, как и он на нее. И даже когда он удалялся, не сдвинулась. Часы высвечивали – 3:45. Кто бы удивился, но не она. Всегда просыпалась с 3:20 до 3:45. Не раньше, не позже. Двадцать пять минут ночного раздумья, перерыва, перехода....

– Ну, прямо вампир. Ночью, в темном, бледный как мрамор, ни кровинки, ни мысли!

– Любимая! – буркнул Жан. – Так рано, очень рано.

Виен легла и поцеловала его в затылок:

– Спи!

Муж развернулся, крепко обнял ее, ненадолго. Постепенно ослабляя объятия, прильнул к губам.

Сон навалился, как снежный ком, покрывая холодом, колкостью. Его блистание угнетало глаза. Виен щурилась и прикрывала их руками. Это зеркало отражало свет. Она отвернулась, но зеркало, переместилось за ней. Виен увидела себя, в его отражении, за ней, сновали люди. Жан, глянул на нее, отстранено, и ушел. ИВ стоял между ними, оглядываясь и чернея. Она протянула руку, забыв, что видит образы в отображении и испугалась, дотронувшись до стекла. Ее лицо исчезало! Растворяясь, обезличиваясь...

Сновидение уходило, а слух ловил голос Жана, далекий, тихий, взволнованный:

– Виен! Дорогая! Проснись, пожалуйста!

– Да! Да! Я проснулась. – с трудом выходя из сна, приоткрыла и закрыла глаза, голова не хотела включаться. – Почти встаю. Жан! Который час? Что-то я не могу открыть глаза...

– Утро! Я бы не будил тебя, полуночницу, но ИВ заболел.

– Простыл? – она, наконец, смогла пересилить дремоту.

– Я бы не тревожился, да и тебя будить не стал бы. Лежит как полотно, головы поднять не может, давление низкое, отказывается от всего.

– Жан! Мы не можем его потерять! – Виен испугалась и села. – Дай мне пять минут, и я спущусь. Врача вызвали?

– Категорически против. С ним Михаил, я тебя дождусь.

– Он старше меня лет на пятнадцать?! – уже из ванной говорила Ви. – Надо его поднять. Второго такого управляющего нам трудно будет найти.

– И что мне делать? Я ему раз пять предлагал оздоровиться. Он, ни в какую! Я, конечно, понимаю, что время одиночества, вечное чувство невостремованности.

– Жан! Не понимаю твоих последних слов. А мы? Мы не в счет? Вся наша семья его любит!

– Ну, если ты ему это внушишь, я буду только рад. Схожу-ка я, на всякий случай, за бутылочкой.

– Давно пора! – Виен лишь на миг задумалась о последствиях данного предприятия, но тут же решила, что они сделают лучше не только для себя, а для всех Гаев. Во всем Роду не спокойно, да и Филипп до сих пор не давал ей покоя. Что уж тут говорить, одним бессмертным больше, одним смертным меньше – баланс не нарушится. ИВ человек хороший! – Пойдем, я буду его ругать.

Виен открыла дверь маленькой комнатки, увидев безжизненное лицо друга, прикусила губу от боли, но не заохала, а твердо пошла к нему:

– И что ты выдумал? – бегло глянула на Михаила и поняла – дело плохо, взяла стул, присела рядом с кроватью. Так же глазами попросила Мишу выйти. – Ты что это, Васильевич, решил болеть?

– Простите меня, так получается. Под утро стало плохо, думал, отлежусь, но видно время мое пришло.

– В общем так, друг мой любезный, я и слышать ничего не хочу о каком-то надуманном времени. Я просила тебя подумать, ты подумал, а я решила. – сделала паузу, смот-

ря на него молящими глазами, хотя в голосе был, один металл. ИВ промолчал. Виен только и надо было, что его колебание. – Тебя же Жан и ребята просили? Вот! Мы же так тебя любим! Ну, что мы все без тебя?! Мы не можем тебя потерять. Не сейчас! – взяла его сухую, холодную руку, пытаясь согреть; затем провела по сникшей щеке. – Пожалуйста, не бросай меня сейчас. Совсем немного, лет пять. Подари мне свою поддержку. Ты же у нас с девочками один, как самый родной, как старший брат. Ты же всегда называл их дочками. Не будь таким суровым к нам.

– Ты спекулируешь мной. – с трудом произнес мужчина.

– Не тобой, а нами. Полежи минутку, подумай, я вернусь, и ты дашь положительный ответ. – Она вышла в коридор, Жан стоял с Михаилом.

– Как он?

– Плох.

– Давай я все таки вызову скорую. – Жан достал мобильный, но Михаил опустил его руку.

– Не поможет. Поверь мне, тут только ты можешь все решить.

– Согласна, на все сто процентов!

– Виен! Но это не будет правильно. Мы практически навязем ему свою волю!

– Кто бы говорил! – скривилась в усмешке, напоминая мужу, как сама, еще совсем недавно, провела трое суток в забытьи, а он, ни спросив никого, не намекнув даже дочерям, на-

поил ее эликсиром, продлив уходящую жизнь. – Миша, посиди с больным, пожалуйста, мы сейчас придем.

– Я согласен с Виен, – прежде чем зайти, произнес мужчина. – У нас половина прошло через твое, Жан, решение. И ты ни разу не пожалел, что сделал это. Так чем он хуже? Он на меже! Дай ему шанс. Пожалуйста! Не время сейчас терять проверенных людей. – Михаил закрыл за собой дверь, а Виен, взяла мужа под руку и подтолкнула вперед.

Проходя бронированную дверь, она провела по ней рукой.

– Вы там спрятали ларец? – догадался Жан, заметив ее мольбу в глазах.

– Да! Игорь помог.

– Хочу сам взглянуть на него, из-за чего весь сыр-бор случился.

– Поставь ИВ на ноги и смотри.

– Не нервничай! Мы же идем, за заветным лекарством. – Жан открыл комнату, полную баночек, флакончиков, разных форм и размеров, прозрачных и серебряных, с сыпучими порошками и травами, с разными настойками.

– Вот это да! Целая аптека! – воскликнула Виена. Жан, ничего не комментируя, взял прозрачный флакончик, с чего Ви сделала вывод, что это не заветный эликсир жизни, а нечто другое:

– Это что?

– Лекарство! Я дам ему силы, а затем мы еще раз вернемся к этому разговору.

– Он не решится сам, и ты знаешь причину. Прошу, подари ему немного лет, пожалуйста! – Жан посмотрел на жену:

– Он тебе дорог?

– У меня кроме вас никого нет, ты же знаешь. ИВ все, что осталось от прошлого, он не просто друг, он память моя. Он тот, кто вернул мне тебя!

Жан улыбнулся:

– Спасибо! Я старый дурак, ревновал. Постоянно. И не только когда мы были здесь. Но все же, сначала нам надо ему дать сил, чтобы он осилил перерождение. Держи! – Взял с полки флакон, который год назад давал ей, Виен сразу узнала маленькую вмятину на донышке. – Как только ему станет лучше, напоишь сама.

– Я подержу это у себя, но напоишь ты. Жан, он в первую очередь твой друг. Только пойдем быстрее, что-то мне подсказывает, надо спешить.

– Запах! – Жан вспомнил ее слова, брошенные невзначай, накануне. – Ты мне говорила, а я, как всегда, не услышал. И сегодня, ночью, ты ведь проснулась не просто так.

– Я не уверена. Хотя..... – Виен задумалась над своими видениями, но пока говорить мужу ничего не стала. Хотела понять сама.

****

ИВ лежал с открытыми глазами, и едва они вошли, приподнял руку, подзывая:

– Ви, Жан! Я хочу сказать. – Он тяжело дышал, рот пере-

сох, губы потрескались, глаза подкатывались, говорить явно было трудно. Михаил дал ему воды, ИВ продолжил. – Вы знаете, как я к вам отношусь.

– ИВ! Мы все, всё знаем. Помолчи, пожалуйста, не трать силы на то, что ясно без слов.

– Васильевич! – поддержал жену Жан: – Выпей, пожалуйста, тебе станет легче. Это простое лекарство, которым мы поднимали Виен. Ты придешь в себя, и мы переговорим обо всем, прежде чем ты получишь эликсир.

ИВ колебался, смотрел на них, сомневаясь, надо ли начинать все сначала.

– ИВ! – Виен опять присела рядом: – Я прошу-то всего ничего, десять лет.

– Ты просила пять. – прошептал он.

– Я и прошу, пять. А внуки? У нас же будут внуки. Тебе что, не хочется с ними понянчиться? А теперь слушайся Жана и молчи. – Сама вышла из комнаты и набрала Ев. – Привет дорогая! Помолчи немного и послушай меня.

– Муль, что за загадки?

– Ев, я попросила! Отойди от всех, пожалуйста, присядь в сторонке и скажи, что ты видишь? Не отвлекайся на ненужные мысли, это очень важно! – Виен закрыла глаза, почувствовала дочь и услышала ее мысли.

– Муль! Ты решила завести поклонника? Красавец!

– Ев! Мне не до шуток! – Дочь молчала долго. – Ев! Мне, очень нужна твоя помощь.

– Мам! Я вижу только высокого, довольно красивого, необыкновенно белого мужчину. Он как бы напротив тебя. Но между вами, что-то неприятное и холодное.

– Это хорошо! Ты увидела сегодняшнюю ночь, а теперь посмотри, что он делал, сегодня ночью?

– Он стоял на берегу, да, за ним море. Потом.... Полетел.... ИВ. Он стоит над ним. Что-то спугнуло, но я точно сказать не могу, может он спугнул. Потому что исчез тот холод, который был вокруг. Поднял голову, мне кажется в сторону вашей спальни. Подожди! Что-то есть еще. Я вижу какое-то движение. Мам! Это наша Чери! Кошка села на кровать к ИВ!

– Умница моя! Спасибо тебе! А сейчас, он есть в доме?

– Нет! Точно нет! Он исчез сразу, растворился.

– Доча! Прогуливайся ко мне в голову, я буду держать ее открытой.

– Что у вас произошло?

– ИВ решил с нами проститься.

– Что?! – в ужасе вскрикнула Ев и Вилена услышала в трубочке голос Дэна:

– Привет, дорогая! Чем напугала мою половинку?

– ИВ заболел. Ев все расскажет.

– Я могу вернуться.

– Не стоит! Жан уговорил его выпить. Целую всех, привет старшим, пока!

****

ИВ маленькими глотками принимал прозрачные, горьковатые капли, поданные Жаном, откинулся на подушку и повернул глаза к ним. Веры в них, что все сейчас измениться к лучшему, не было, только боль.

– Мужчина! – взяла его руку Ви. – Что за настрой? Помнишь, как мы познакомились?

– Помню. Тяжело! – прохрипел он.

– Ты закрой глаза и вспоминай, сколько было хорошего за все эти годы. Жан, отойдем. – ИВ опустил веки, а они вышли, не закрывая двери. – Его надо вынести из этой комнаты. И приставь к нему человечка.

– За это не волнуйся. Вот только как пойдет его выздоровление? Может утром встать, а может и недели пролежать в небытие.

– Но мы сделали все, чтобы спасти его, так? – Жан кивнул. – Неужели мы не справимся с его обязанностями, в эти дни?

– Несомненно, справимся! Это все?

– Нет! Не спрашивая зачем, отнесись к моей просьбе серьезно.

– Обещаю.

– Усиль охрану, дай нашей прислуге выходные.

– Это не сложно, только как мы без них?

– Я прошу только о тех, кто занимается нашей частью дома. Сделай так, чтобы в дом никто не мог войти, ни под каким предлогом.

Жан не стал задавать ненужных вопросов, так его приучила мать, так они жили при Ольге. Он кивнул и собрался уходить.

– Жан! Один вопрос. Если нас обесточат, все ваши замки откроются?

– Нет! Многие наоборот, будут в закрытом состоянии до введения кода. Но нас обесточить нельзя, у нас свое энергоснабжение.

– Это хорошо! Что и как расскажешь, погода. – Весь ее вид мог бы умилить и рассмешить Жана, если бы не данные обстоятельства. А она была сосредоточенна, как Наполеон перед битвой.

– Объявляешь военное положение?

– Объявляю.

****

Дом Гаев высился на самой вершине утеса, лишь 20 шагов к краю и 172 железные ступеньки вниз. Новые особняки и старенькие домишки находились чуть-чуть поодаль, но от этого он не был одинок. Это было очень старое, совершенно необычное для современности, но добротное строение в три этажа с мансардами. Толстые стены, из серого камня, походили на скалу, поэтому в ночи он становился ее продолжением. Своеобразная постройка из фигур разной конфигурации; возведенная руками умелого мастера, замечающего окружающие красоты, понимающего природу, сохранившего ее целостность; прекрасно вписалась в данный пейзаж.

аж и простояла долгое время. Неровности зодчества, возможно и смешили с точки зрения современной архитектуры, но не уродовали его, а даже наоборот, постоянно привлекали взгляд.

Первой в глаза бросалась крыша, кирпичного цвета, с тремя башенками. Две находились на одном уровне и смотрели на море. Маленькие окошки-глазницы никогда не освещались. Третья – возвышалась над ними и имела зеркальные окна, на четыре стороны. В ней находился зимний сад, любимое место всей семьи. Этаж, на котором восседали башенки, был единственным не из камня, а под тонированным стеклом, в котором днем отражались пролетающие облака, а ночью звезды. В нескольких местах стекло пересекали побеги «одеревенелой» лозы, ползущей к большой, круглой башне и окутывали ее, словно венец; однако хороший специалист мог понять, что эта ветвь была латунной.

Второй начинался с резного козырька, того же кирпичного цвета, что и крыша. Укрыв часть первого этажа, он упирался в витражи, 17—18 столетия, хорошего состояния, с добавлением современных технологий; на нем мирно разместились некие существа, неопознанного рода, с забавными мордашками, потемневшими от времени. Их руки были подняты над головой и поддерживали те самые витражные полотна, окружающие весь второй этаж. Ног их никому не удалось разглядеть, просто потому, что они сидели. Витражи – тут взгляд задерживался надолго. Разнообразие инди-

видуальных образных пространств уносил в бесконечность. Не было в них никакой замысловатости, лишь простейшие геометрические фигуры, без ярких красок, переплетались, соединялись и разбегались, чтобы слиться вновь. Еще совсем недавно, оглядывая дом, трудно было заметить стыки окон, скрывающихся за этими витражами. Теперь же, все было нараспашку, практически круглосуточно. Дом ожил, сотнями огней и веселым смехом в нем. Соседи вздохнули с облегчением и не морочили больше себе голову разными баснями.

Наконец, первый этаж. Он напоминал оплот – вымеренный, ровный, с острыми углами. Массивный и большой. Несколько комнат первого этажа имели отдельный вход. И в них, иногда, селились приезжающие на отдых, так сказать, постоянные гости, что вошли в доверие ИВ.

Внутри дома так же было на что посмотреть. Главное – галерея, что тянулась на весь второй этаж. Разноцветные стеклышки витражей, преломляли лучи солнца и бросали солнечные зайчики на огромную коллекцию картин, масок и бюстиков, что разместились вдоль стены; удобные, низкие кушеточки стояли у открытых окон и предлагали провести на них час-другой, любуясь бесконечностью моря. Добраться сюда можно было коротким путем – через окна спален, что и делала молодежь, или по двум лестницам: главной, мраморной и широкой, переходящей в небольшой внутренний балкончик, соединяющий комнаты детей; и скрытой от по-

сторонних глаз, кованной, из черного металла, совсем узкой и круглой формы. Здесь же покоилась еще одна коллекция – зеркала, разных форм и размеров, собранные за много веков.

Глава 4

Виен поднималась наверх по лестнице зеркал, касаясь рукой каждой рамы, словно прося поддержки своих предшественниц. Прошла по галерее, закрывая все окна, а так же, на всякий случай, прикрыла створки окон, спрятанные под картинные полотна и чеканки, в комнатах детей. Теперь вид галереи стал прежним – полукруглым проходом, с большой, богатой коллекцией картин, масок и прочего, с одной стороны, а с другой, за витражными стеклами, виднелись просторы моря. Оглянулась и покинула ее. Обследовала мастерскую Дэна и библиотеку, проверила зимний сад и окна третьего этажа. Она начинала испытывать нехватку кислорода, дыхание становилось шумным, Вилен практически заставляла свои легкие дышать в застывшем воздухе.

Зашла в свои комнаты и оставила открытым только окно спальни, игнорируя кондиционеры. Присела под ним на кушетку, провела рукой по решетке, не закрывающей и половину окна, сделанной очень давно и скорее всего для украшения и горшков с цветами, бросила внимательный взгляд в обе стороны, не найдя ничего подозрительного, поставила зеркало к себе на колени и пыталась понять свой сон. Ответ не находился.

– И почему у меня такая капля дара?! Я бы не тревожила детей. – вздохнула, прикрыла глаза, прислушиваясь. – Тиши-

на! Но этого не может быть! Он здесь, я чувствую, как и то, что Филипп рядом. – она говорила сама с собой, не заботясь услышит ее кто и что подумает. – Если незнакомец не доступен мне, то Фил, он же не может не думать! Он планирует свой следующий шаг, а значит, шевелит мозгами! Я носом чувствую его влияние. – Поставив зеркало на туалетный столик, вернулась к окну. Практически свесилась наружу, схватившись руками за черные прутья решетки, и закрыла глаза. Слушала, смотрела, вдыхала полной грудью, опять слушала. Шепот. Очень тихий, будто дуновение ветерка. Виен настрожилась и уже упорно «пошла» на этот шепоток. Он был настолько слабым, словно ветерок играет с былинкой. Отстранилась от прямого следования, охватила большую площадь, отмечая, как мусор ненужные ей разговоры и думы людей. Ей нужен Филипп и именно его она искала. Вот песчинки прокатились, пробежала ящерица. Мышь стала жертвой гадючки, греющейся на солнце. И опять они, те двое, что шептались минуту назад. – Нашла! Я вас все-таки нашла! Вот ты где, Филипп!... Разговариваешь?... Сам с собой?... И что же между строк?... – Виен отключилась от окружающего мира полностью. Она не только слышала Филиппа, в ее голове рисовалась картинка, она видела, как тот сидит на земле, в тени невысокой акации, скрестив ноги и запрокинув голову. Лицо недовольно, но он старается следить за собой, чтобы даже в этом состоянии оставаться красавцем.... Что-то затхлое и холодное оторвалось от него, полетело в ее сторону.

Виен слышала, как стонали листочки и травинки под его силой. От приближающегося запаха ее подташнивало, закружилась голова. Выпрямилась, отпустила Филиппа и слушала только то, что летело к ней. А оно не сворачивало, осталось немного и она либо поймет, что это. Либо.... О втором даже думать не хотелось. А третьего не дано. Миг! Один лишь миг и они столкнутся! Виен открыла глаза, решив встретить угрозу с гордо поднятой головой. И... Это ударилось о барьер и отлетело к берегу.

– Чери! – обрадовалась она запрыгнувшей на подоконник кошке. Шерсть любимицы поднялась дыбом, а ушки, и без того вислоухие, совсем прижались к голове. Кошка шипела, сузив глаза до щелок. – Не нравится?! Мне тоже. Не бросай меня, пожалуйста! Побудь здесь немного. – Кошка отвечала ей на своем, кошачьем языке, а Виен изучала берег. Скрупулезно продвигаясь по миллиметру. – Хорошо, моя королева! – поставила москитную сетку на место. – Только не облокачивайся на сетку, она тебя не выдержит. А все остальное, мы с тобой, в паре, преодолеем! – Виен говорила, поглаживая любимицу за ушком, нарочно весело. Кошка сбросила свое напряжение, села. – Что, тише стало, или наши гости покинули нас с тобой? – Вилен ничего не видела подозрительного и даже не слышала. Ей также показалось, что и воздух стал свежее. И это насторожило. – Не хочешь ли пробежаться к ИВ, ему ты очень нужна, я буду здесь. – Чери, будто бы приняла ее просьбу, спрыгнула, подняв хвост антен-

ной, засеменяла из комнаты. Вилен оглянулась, услышав как Жан, входя, выпустил животное, и тут же вернулась к своему занятию. На том же месте, где она ночью видела седовласого незнакомца, было какое-то сияние. Вода и часть песка были как за поднимающимся раскаленным воздухом. Если бы это происходило на большой площади, она бы не уделила внимание, но это был совсем небольшой участок, не больше полуметра в ширину и около двух метров в высоту. Размер крупного мужчины. Проходящие сквозь «ЭТО» люди отражались, как в призме.

– Жан! Как у тебя со зрением? – сказала не громко, не оглянулась, боясь потерять.

– Отлично! – ее слова заинтересовали. Жан бросил толстый, серый конверт на стол, отложил то, чем собирался заняться, подошел.

– Тогда скажи, что я не схожу с ума. – согнула руку и пальцами поманила подойти ближе, указывая куда надо глянуть. – Прямо перед моими глазами, стоит, извини, непонятное, прозрачное существо.

– Дай точнее ориентир, пожалуйста. – вздохнув, Жан смотрел на пляж, просто смотрел, не ожидая там найти ничего важного.

– Желтый зонтик, видишь? Перед ним натянута простыня в полоску, на лежак. Параллельно зонтика, дама, пышных форм, в красном купальнике. Ровно посередине. Оно колеблется.

Жан присматривался, долго не мог понять, что ищет, и совершенно случайно заметил нестандартную точку среди видимого куска пляжа:

– По моему, заметил! Прошла девушка и, в указанном тобой месте, увеличилась. Я правильно понял?

– Да! И это рассматривает нас. – ее напряжение передалось мужу:

– Ты боишься? – обнял ее, погладил по плечам.

– Нет! Я в неизвестности и это не дает мне покоя, выбивает из колеи, не позволяет ни о чем другом думать. – Выпала все и сразу, тут же задала волнующий вопрос. – Как там ИВ?

– Мы перенесли его наверх, он спит. Все уехали. Повара деть некуда, он не может бросить ресторан.

– Повара можно временно поселить в гостевой дом.

– Я не подумал. Ви! Тебе надо поесть, уже очень много времени, ты ослабнешь.

– Да, да! Я поем. – Закрывая окно, сказала Виен.

Жан все еще смотрел сквозь стекло и заметил, как нечто метнулось в сторону, вслед за женой.

– Ешкин кот! – догнал жену. – Ви! У тебя есть предположение, что это?

– Не знаю! – развела руками, всплыв, повисила на него голос, но уже через миг, остепенив себя, говорила спокойно, хотя и не смогла сдержать сарказма. – Я не так много живу, чтобы все знать. Еще недавно я и о вас не догадывалась.

– О нас! Вилен, мы с тобой едины!

– Это сейчас. – не опротестовала, поправила его. – А у тебя есть объяснение?

– Стыдно признаться, но я знаком только с двумя видами – оборотнями и вампирами. Ни то, ни другое не подходит. Может это новый вид? Мутант?

– Новый вид чего?

– Вампира, конечно! – и добавил сам себе. – Надо самообразовываться.

– Надо! Я думала, ты вспомнишь НЛЮ. Жан, я не знаю, что это, как не знаю, что вообще происходит вокруг. Не знаю! Как мне не хватает виденья Ольги, ее опыта! Ев не хочется дергать.

– Дорогая! Я тебя понимаю, но от Ольги помощи ждать не надо. Она закрылась от всех. Уверен, выжидает, справимся мы или нет, без нее.

– Зачем так плохо думать о матери? Ушла и ушла. Ее право. Дети справились без нас с куда большими трудностями, теперь мы обязаны, не ударить в грязь лицом.

– Прорвемся! Понять бы только, что это. Если я удалюсь наверх, покопаюсь в книгах, ты как? Или со мной? – Спросил и тут же понял, какой из нее помощник. Виен говорила с ними, ела, не замечая, что кладет в рот. Все о чем она могла соображать, так это о состоянии ИВ. Все остальное время она была одно большое ухо. Эжан это понял, так как она водила головой, глазами, иногда всем телом, словно это было

перед ней. Он начал бояться за нее. Но она отвергала любую опеку.

Охрана и ее водитель, поглядывали на нее, но не трогали вопросами, обсуждали с Жаном, чего им ждать, к чему готовиться, что надвигается?

****

Проходя мимо окон первого этажа, Вилена обратила внимание, как опустел их двор. Отдыхающих словно уменьшилось, не сновали туда-сюда, не кричали, не устраивали музыкальные поединки. На месте машин, которые мужчины постоянно бросали у порога, валялись желтые листья, покрытые коричневыми пятнами. «Сон!» – вздохнула она и пошла дальше.

– ИВ проснулся! – прервал ее размышления голос Игоря: – Виен! Ты слышишь? Васильевич проснулся! Он приходит в себя.

Виен тут же отбросила все свои стенания и побежала по лестнице, щеки зарделись, глаза загорелись, присела на край кровати, даже не глянув, кто находится в комнате, взяла его за руку:

– Милый друг! Ты как?

– Лучше. Намного лучше. Но слаб. Это старость. А Жан где?

– В книгах! – махнула рукой, поправила ему подушку, расправила толстое одеяло, не по сезону, но его все время морозило. – Говорить можешь?

– Да! – уверенно ответил ИВ. – Надеюсь, завтра покину это ложе – бока уже все отлежал.

– Не спеши! Лучше вспомни, что было до того, как тебе стало плохо.

– Ви! Я не помню. – замотал он головой, не отводя от нее глаз. Его зрачки были расширенны, отчего зеницы казались неестественно черными. Кожа пожелтела и местами свисала, отшелушившись. Виен вспомнила, как и у нее было подобное, после принятия настоев Дэна. Как тело постоянно требовало водного насыщения, как прекрасно было погружаться в воду, кожные покровы через поры впитывали влагу, выравнивая баланс. Как чулком снималась старая, изношенная шкурка, а на ее месте оставалась новенькая, бархатная, розовым отливом. Она тогда себя сравнивала со змеей. А сейчас друг лежит в том же состоянии. Ее так и подмывало узнать ощущения, но было не до того. И она требовательно заявила:

– Помнишь! Это было ночью. ИВ! Очень важно, чтобы ты припомнил каждую мелочь. Трудно сейчас, я не настаиваю, подожду. – ИВ закрыл глаза и стал прокручивать память назад. – Тебя нечто разбудило? – направила она его мысли, услышав, где он сейчас «прогуливается».

– Да! Меня разбудил звук за окном. Кто-то ходил, взад вперед. Какое-то время я не реагировал. Но потом меня задел этот маневр. Помню, я посмотрел на часы, было почти четыре, я предположил, что кто-то из отдыхающих потерял ключ и стесняется разбудить. Открыл окно, которое

сам не знаю зачем, закрыл на ночь, пожизненно сплю при открытом, мало ли что. Мужчина остановился и посмотрел на меня. Естественно я поинтересовался, что у него случилось, помню, еще спросил: «Вы что, не можете войти?» А он ответил коротко – «Да!» И все, дальше пустота.

– Он был высокий, бледный и седовласый?

– Я его не помню, но точно не такой, как ты сказала. Хотя, бледный, да. Но не седой. Это бы я заметил. Глаза черные, ну .... Нет, Виен, я не помню его. Он как тень.

– Поправляйся, mon cher ami. Я обязательно зайду. Спи больше и ешь, а то буду кормить с ложечки. – Поцеловав его в щеку, поднялась к себе. Открыла настежь окно, не поднимая ролеты:

– Странно! Третьи сутки тишина! Третьи сутки – никого!

– Ничего странного! – услышал ее слова Жан: – ОНО поняло, что мы на страже, что мы его заметили.

– Думаешь, больше не появится? – Ви вздрогнула, она не ожидала, что муж здесь.

– Виен! Я тут подумал, может это, нечто, просто зацепило нас, проходя мимо?!

– Нет, мой милый, не проходило оно мимо. ОНО направлено пришло сюда. – прищурила глаза, изучая лицо мужа. – Ты не нашел ничего? – осведомилась, хотя уже знала ответ.

– Увы, но надежда есть. Начинаю склоняться к твоей версии НЛО. Или осмелевшее приведение. Открылся портал, но природа все исправила. Вспомни, сотни людей видели их

и живут дальше.

– Жан, не зли меня! Я тебе говорила и повторю сотню раз, я слышу, четко слышу Филиппа! Он здесь, рядом! И это его рук дело. Я до сантиметра могу сказать, где он в данный момент!

– Не возноси его способности. – Жан уселся, выказывая таким способом свое спокойствие. Ви заметила, что и мысли муж стал контролировать.

– Но почему ты не хочешь меня услышать! – она стояла спиной к окну, подняв руку в том направлении, где она точно знала, находится этот французик Филипп. – Почему не пытаешься предположить, что за ним кто-то стоит, или помогает?!

– Ну, зачем ему это? – Жан так и не понял, до конца, ее обвинения на счет родственника.

– Так выясни! – опять вспыхнула, но на этот раз уже не сдерживала себя. – Ты же мужчина! Только не снимай охрану дома, пока будешь сомневаться.

– Я понял. – Жан поднялся, поняв, что к общему мнению они сегодня не придут. – Обещаю разобраться. – и, постарался увести от Фила ее внимание. – Как дети?

– Не звонили, а я не надоедаю. – Она опять сердилась. Прошло не так много времени, как они впервые поссорились из-за этого франта Филиппа! «Неужели муж так и не поверил в то, что Фил хотел их обворовать? Неужели все то, что заставило их поссориться, впервые за год совместной жиз-

ни, не открыло глаза мужу на подлую душонку, этого прощельги, Филиппа? Тогда зачем они носились за ним „вокруг света“? Как же достучаться к сознанию мужа? Неужели я спешу? Неужели мое открытое высказывание мнения, не является доводом для него? Неужели надо свершиться беде, чтобы мой муж начал доверять моему чувству? Господи! А что если вернулся Вельзевул? Что если тогда, спасая Велмы не уничтожили его подручного и Филипп тут совсем ни причем? Да нет, нет! Филипп имеет к сегодняшним тревогам самое прямое отношение. Но тогда получается... Стоп! Ви, не наваливай все в одну кучу. Прошлое не вернулось! Жан прав, Филипп не столь властен».

Уснула сразу, как коснулась кровати. Скорее впала в состояние крепкого анабиоза, едва солнце зашло за горизонт. Жан нашел ее в этом состоянии, снял обувь, укрыл и не стал будить, прилег рядом, анализируя все прочитанное. Разгадки не было. Но, отвергнув тысячи версий, он пришел к выводу, что осталось-то меньше, чем было в начале, а это тоже результат.

– Жан! – толкнула она его, – Жан! Дорогой! Проснись, пожалуйста!

– А? Что? Я уснул? Тебе плохо?

– Стучат! Ты слышишь? Тарабанят в дверь.

– Куда? В дверь? Не слышу. Там же охрана. – Жан поднялся, оделся на всякий случай, а Виен, вся скукоженная, сидела и зажимала уши.

– Там выбивают дверь, ногой. Жан, они перешли к окнам!

– Дорогая! Успокойся. Я позвоню Михаилу, он дежурит у пульта. – взял телефон, а Ви закрыла голову подушками и стонала. – Михаил! Что у нас на пульте?

«Ничего! Все камеры работают, пусто, чисто, спокойно.»

– Минуту, не отключайся. – оторвался от трубочки внутреннего телефона и подошел к жене. – Виен! Где сейчас это?

– Опять у входной двери!

– Смотри на дверь. – сказал Михаилу.

«Ничего и никого!»

– Смотри внимательней, зажги яркий свет и проверь по миллиметрам! – повернулся к Виен. – На камерах никого нет.

– Ты считаешь, я разыгрываю спектакль? – прокричала она, срываясь до истерики. Ее трясло, подбородок, нижняя губа, никак не могли найти покоя. Правый глаз подрагивал им в такт. На нее нельзя было смотреть без боли. – Думаешь, я не слышу твои мысли? Они громче, чем тот набат, заставляющий дрожать стекла. Но тогда, может, ты мне объяснишь, что рвет мои перепонки? – Она убрала руки, Жан увидел струйки крови, стекающие из обеих ушей.

Он смочил полотенце и старался вытереть кровь, но Виен отпрыгнула от него к спинке кровати, сжалась и тряслась, всхлипывая.

– Побудешь немного одна? Я гляну сам, что там происходит

– Я с тобой! – подорвалась и, не обуваясь, понеслась вниз. Достигнув второго этажа, замерла. – Стой! Не топочи так! – Виен вела себя как ненормальная. Стоя на ступеньке, склонила голову набок, выставляя левое ухо вперед. – Я им лучше слышу. – ответила мимолетной мысли мужа. Крутилась вокруг своей оси, балансируя на узком мраморе. Жан вытянул вперед руки, готовый в любой момент подхватить ее. – Он отошел.

– Кто он?

– Не знаю! – кричала она, хотя и шепотом, срываясь на хрип. – Я же не вижу! Он стоит и смотрит на дом. Я слышу, как он дышит, как шелестит его одежда, как ветер ворошит его волосы. Он там! – она прикрыла глаза, протянула руку вперед. Нога соскользнула, и Эжан подхватил ее, сделав больно, но Виен не заметила.

– Идем! Сейчас мы все выясним и покончим с этим. – Взял ее на руки, легко сбежал в цокольный этаж, где были размещены все службы. Посадил на диванчик и, взяв плед у Михаила, укрыл. Виен сникла. Прикрыла глаза, размазывая кровь по лицу. Уши ужасно чесались и она двумя ладонями, то и дело, терла их.

Жан просматривал двор, по нескольку раз, маленькими кусочками. Ночь. Освещение приглушено спустившимся легким туманом. Жан пробежался по другим точкам, оглянулся на жену и опять глянул в камеру у входа, тумана не было, отступил.

– Михаил! А камера у ворот работает? – Мужчина пощелкал клавиатурой, давая Жану требуемый обзор:

– Вот! – Жан кивнул в благодарность, замедленно просмотрел все точки, туман скопился в одном месте, словно потухший костер все еще дымил.

– Жан! – выпрямилась Виен. – Он идет к двери! Слышишь? Стучит и просит о помощи.

– Ничего! – Жан кивнул Михаилу на камеру. – Только дым. Следи за ним. Я скоро. – подошел к ней: – Ви! У двери?

– Да включи ты свое зрение! – заорала она во весь голос. – Где твои глаза? Я только и слышу, ото всех: «у Жана такой глаз»! Так открой его! Глаза отказывают, задействуй мозг. – Закончила спокойно и слезла с дивана. – Сделай хоть что-нибудь. – Держа уши руками, вся перепачканная кровью, шаркая ногами, пошла к входной двери, обратившись вслух, сутулясь и вздрагивая. Жан шел за ней, уже не отвлекая вопросами, пытаясь понять, что же там творится. А она оглянулась, отсутствующий взгляд блуждал, но на лице уже не было паники. Жану даже показалось, что она заинтересовалась тем, что минуту назад ее испугало, протянула руку к двери, в поисках ручки. За дверью мужской голос молил:

«Помоги! Помоги мне. Пусти меня! Мне нужна помощь. Ты же не бросишь меня на произвол ночи. Помоги, помоги же мне!» – И опять стук, сильный, долгий, пробудивший осторожность Виен, и она, сделав шаг назад, показала рукой, шепча мужу:

– Тут! Он стоит сейчас здесь и бьет. Удар, второй, еще, еще! – говорила Виен и рукой, сжатой в кулак, повторяла удары.

Жан, взяв ее двумя руками, отвел в сторону, подошел к двери на вытянутую руку, закрыл глаза. Повисла тишина, даже Виен боялась дышать. А Жан, мысленно убрал дверь, за ней отбрасывал прослойку за прослойкой «видимого» человеческим глазом.

Игорь, разбуженный шумом, спросонья понесся выяснить причину. Щелкнул выключателем и столкнулся с Виен, без сил сидевшую на полу, в самом центре широкого холла, у мраморной колонны, исходящей от необычного, геометрической формы, рисунка на полу и уходившей в своды потолка, копирующего изображения:

– Слышите? – спросил он и, оценив плачевное состояние Виен, тут же добавил: – Вижу, что слышите. Я сейчас. – Не дергая Жана, поднялся к ним в комнату, принес ее шаль, всегда лежащую на кресле, и туфли Виен, она машинально всунула ноги и замерла. Тогда парень поднял ее, насильно усадил на кушетку. Стал рядом с ней и следил за Жаном. Тот не среагировал на его появление, изучал сгусток дыма, пытался понять причину его появления.

– Странно. – Жан указал, где сгруппировалось неопознанная субстанция. А та, насторожилась, сгруппировалась, сконцентрировалась и повторяла его движения. Они изучали друг друга.

Виен провалилась в транс, как в день отъезда детей, поплыла картинка: «Дым сконцентрировался в одной точке, застыл и принялся приобретать вид ее мужа. Если бы не глаза, Виен бы забылась и бросилась к мужу. Что-то пронеслось между ней и субстанцией, закружив этот сгусток, смешивая краски. И этот, неожиданно появившийся, кто-то, или что-то, принялся впихивать сгусток в сосуд. Теперь тот стал похож на шар, серо-бурых оттенков. Вырывался, метался, бился о стенки невидимой преграды. Виен водила глазами, наблюдая за всем этим в трехмерном изображении. Справа было тепло, Виен отвлеклась, и очнулась. Рядом стоял Игорь, и Виен поняла, он помогает мужу, именно он держит «это».

Шар начал менять цвета, совсем обесцветился, но уже через миг стал молочным, затем серым и..., вдруг исчез. За мгновение, испарился.

– Где он? – спросил Игорь. Жан пожал плечами, он видел все, что видела Виен и даже больше, но тоже не понял, что произошло.

– Взрыв! – проговорила Ви. – Его нет! Его больше нет! Оно там, где и должно быть! – По ее состоянию, мужчины поняли – все нормализовалось.

– Надеюсь, это больше не повторится! – с облегчением вздохнул Жан, запомнив все до мелочей, определив в подкорку и решив все проанализировать поутру.

– Возможно! Как же я устала... Нет сил, даже искупаться. – Зевнула Виен не в силах подняться к себе, на третий

этаж.

****

Михаил, после ухода шефа, сосредоточился на непонятном объекте. Записал все, хотя то, что происходило перед камерой, было необычно до безумия, словно кто-то устроил шоу дымового занавеса, и после того, как неожиданно все пропало, решил изучить внимательней. Непонятные маневры «тумана», что-то пронеслось, он даже вздрогнул. Замедлил скорость просмотра и... в объективе камеры появился мужчина в черном длинном плаще до пят, с белыми, как лунь волосами, развевающимися от движения. Он стоял за туманом, или дымом, выровнявшись и расправив плечи, наблюдая как дымовой столб скручивается шаром, ничего не делая, просто смотрел на него. Взрыв, туман рассеялся, и мужчина исчез так же, как появился.

– Странная вещь! И кто это был? Отложу-ка я эту запись, покажу Жану. В спокойное время. Бедная Виен, как ей досталось! – подписав диск, положил на полку с пометкой «ВАЖНОЕ», присел на место. – Что творится?! Что опять творится, на белом свете!

---

*mon cher, ami – мой дорогой, друг. (франц.)

Глава 5

Иллюзия, фокус, обман – все это представление, в котором один предлагает, остальные созерцают.

Но действительно ли мы хотим видеть и слышать то, что нам преподносят, а чаще всего, навязывают? В любом случае, все это игра с определенными правилами, а правила, как известно, существуют для того, чтобы их нарушать.

****

Вот и август миновал свой экватор. ИВ потихоньку выздоравливал. Вилен полностью пришла в себя и, не оглядываясь на бессонные ночи, загадочные сны, необъяснимые посещения загадочного, красивого и в тоже время, странного мужчины, часами стоявшего под их окнами, как и отбросила ту ночь, в которой столкнулась с еще более туманным посещением, жила дальше, полностью отдавшись на волю случая.

– Дорогая! Может, наконец, снимем осаду дома? Семь дней твоего спокойствия.... – невзначай поинтересовался Жан, после очередного ее вздоха. – Или ты опять что-то слышишь?

– Спокойно, тихо, без визитов! – отчеканила и уже нежно, глядя ему в глаза, добавила: – Давай повременим немного. Не мешает же?

– Раздражает!

– Неужели? – иронично заметила она, не сдержалась,

усмехнулась. – И с чего вдруг?

– Живем как в клетке! – признался честно, но тут же спохватился, видя ее пытливый взгляд. – Ви, что происходит?

– Странно, что ты спрашиваешь у меня. Всего лишь год назад, ты появился в моей жизни, сильным, умным, многообещающим. А теперь задаешь такие вопросы. Тебе не кажется это не естественным, а? Ты хоть помнишь, сколько тебе лет? И сколько за ними опыта? Не я ли должна бегать за тобой с вопросами? – Жан, в душе, глубоко пожалел, что затронул эту тему, но деваться было некуда, стоял напротив нее, как школьник, и выслушивал. – Это жизнь, муж мой, наша с тобой жизнь! По крайней мере я себе это внушила.

– Тяжело. Права была Ольга... – Жан осекся не договорив. Виен подошла, прижалась к нему, не для успокоения, а чтобы он не сразу увидел ее реакцию:

– Скучаешь? Что же ты такой упертый?! Позвони, съезди. Она же мать твоя! Я же не запрещаю. Не смотря ни на что, я не заставляла тебя отказаться от нее.

– Ты меня не правильно поняла. – Смотрел поверх ее головы, в одну точку, поглаживая ей спину.

– Разве? – прикрыла глаза, стараясь услышать его мысли, но Жан уже контролировал себя, постоянно. И лишь когда хотел, чтобы она слышала, давал мыслям волю. – А мне показалось, что я все правильно поняла.

– Нет! – он поднял ее лицо. Виен справилась со своими, нахлынувшими эмоциями, смотрела на него совершенно

спокойно. – Я лишь хотел сказать, что раньше проще было жить.

– Естественно! Инквизиции, чернокнижники, рабство, войны. Сколько ты их пережил? Ах, забыла еще – революции!

– Наша семья, за все существование, пережила только две войны. И то, одну мировую!

– Под каким колпаком вы жили? Не отвечай, это я так. А вторая, поделишься?

– Восстание одной из семей.

– И как? Победили? – спросила она с легким сарказмом. – Так что же пугает тебя сейчас?

– Ты! – откровенно сказал он.

– Что?! – Виен смотрела на него со смешанным чувством удивления и недоумения.

– Ты изменилась и все вокруг меняется. – поцеловал ее в щеку, слегка сжав плечо, тут же быстрым шагом миновал комнату, занялся бумагами, лежащими на столе.

– Я, конечно, могу сейчас потребовать объяснения, но не буду этого делать. – Виен пошла за ним, остановилась у порога и взялась рукой за дверной косяк. – Давай закончим, этот разговор, к хорошему он нас не приведет! А я очень дорожу, нашим взаимопониманием.

– Давай! – безразлично ответил он.

Виен опять занялась вещами, брошенными благодаря его вопросам, сегодня должна вернуться Катерина, их горнич-

ная, надо предоставить фронт работы. Подмывало вспылить, заставить договорить, выяснить все до конца, но она вложила все раздражение в работу. И тут ей пришла в голову, странная мысль, но изложить прямо сейчас ее Жану – равносильно с завязанными глазами толкнуть его к пропасти.

– Дорогой! – вложив в голос, как можно больше наивности, позвала его. – А можно спросить?

– Конечно! – ответил сразу, но не подошел.

– А вы встречи, со своими, устраиваете часто?

– Нет! Только при большом событии, ну, и на выдачу эликсира. Но так как раздача и наша свадьба совпали, то несколько десятков лет гости, вряд ли пожалуют.

– Жаль! А мне так хотелось встретиться, познакомиться поближе, хотя бы с близкими тебе людьми. Ведь у тебя же есть друзья? Может быть, и стала бы своей. – Жан еще на середине ее речи заинтересовался, подошел и стоял тихо, смотрел изучающее на ее размеренные, на первый взгляд, движения, однако, это было не так, ее пальцы подрагивали, волновалась, тем не менее, Жан этого не заметил. Вилен почувствовала его присутствие, повернулась: – Что тебя так удивило? Годовщина нашей свадьбы, разве не повод? Или я ошиблась? Ты жалеешь, что женился? – Она сделала вид, что загрустила, на глазах заблестели слезы.

– Что ты, родная, я только «за»! Просто думал, тебе не доставит удовольствия, видеть всех этих расфуфыренных снобов!

– Да кто бы говорил?! – Виен опять обняла его, но уже не прятала насмешливых глаз: – парнишка ты мой!

– Серьезно хочешь? – не веря собственным ушам, переспросил Жан.

– Ну, может не столь грандиозное, как тогда. Может самых близких тебе людей. Может и у Ольги появится повод вернуться.

По лицу Жана пробежала легкая тень, но он отбросил ее:

– Только я все сам организую! Договорились?

– Это так заманчиво! Как же я соскучилась по твоим сюрпризам и ухаживанию!

– Правда?

– Истинная! А почему такое сомнение? Разве я давала повод?

– Тебе показалось! – Обнял, немного оттаяв, а Виен, нежно целуя его, улыбалась и ликовала в душе: – «Главное, чтобы желание исходило от него, и все получится!» – Ее мысли прервал телефон. Не спеша отвечать, еще раз коснулась губами его щеки: – Извини, дети! – И уже в трубочку, не ускользая из его объятий: – Привет роднюльки! Как отдыхаете? – Минут пять улыбалась их рассказу, Жан кивнул, передавая привет, вернулся за стол, чтобы не мешать ей, общаться с детьми. И Ев, как почувствовала, спросила:

«А вы как? Не ссоритесь?»

– Нормально. А должны? – Виен задала вопрос, но ответа ждать не стала, продолжила, чтобы не привлекать внимание

мужа, слыша даже на таком большом расстоянии, о чем думает дочь. – ИВ практически здоров. Более того, нашему папочке, удалось уговорить старика, он пополнит наши ряды.

«Ясно, Жан рядом. Тогда отвечай, как хочешь, но я спрошу. Что это за мужчина крутится возле дома, и ты с ним переглядываешься?»

– Ничуть, никогда и вообще не знаю.

«Такой высокий, стройный, выхоленный, вот только длинна волос мне не по душе, практически до пояса. Переливаются, как лунный свет!»

– А вот с этого момента подробнее! Дэн рядом? – она не спеша ушла в другую комнату, присела так, чтобы видеть Жана и понять, если его взволнует их беседа, но пока он был полностью не заинтересован их разговором. – Ев! Зачем повторяться? Промелькнул один раз и все! Лишь видение одной ночи. И то, я сейчас уже думаю, не примерещилось ли мне? Я просила позвонить, если есть что-то стоящее в будущем! Это все пережили.

«А я и говорю о будущем. Будь осторожней. Не пришлось бы делать выбор».

– Дорогая! Я сделала свой выбор, в прошлом году. И уверена – последний!

«Это хорошо, Жана мы любим. Ну, пока! Скоро увидимся».

Виен и ответить не успела, как дочь отключилась:

«Этого мне еще не хватало! Что ей пригрезилось?» – ду-

мала Виен, не опуская трубочки, хотя там уже была тишина, затем произнесла: – Пока! – вышла из спальни, делая беззаботным лицо.

– Как дети? – спросил Жан, закрывая книгу и убирая в папку рабочие бумаги.

– Нормально! Развлекаются. Ты же знаешь своих сыновей, пока заряд фантазии не кончится, будут их баловать. Но, похоже, на этот раз они приедут раньше. По крайней мере так сказала Евгеша.

– Ребенка забирать пора, вот и спешат.

– Не уверена. – Виен думала о словах дочери, но старалась этого не показывать мужу. – Было бы желание еще колесить, попросили бы нас за ней съездить.

– Ну и хорошо, что приедут! – Жан по своей натуре был очень легким человеком. Да и мать приучила не заикливаться, а быстро выполнять требуемое, что же касалось проблем, то он всю жизнь решал их по мере поступления и тут же отбрасывал, без долгого анализа, как только было все решено. Вот и сейчас, отмел все подозрения, убедился, что жена в полном порядке и схватился за новую идею. – Так, когда празднуем и где? – обнял хрупкое тельце, как игрушку перенес к дивану, уселся, усаживая ее рядом, чмокнул в щеку и ждал ответа.

– Милый! Ты же сам сказал, что все берешь на себя! Мне только скажи, хотя бы, за двое суток. Сам понимаешь – платье, прическа и все такое.

****

Прошло еще несколько дней. Все было замечательно, спокойно, размерено, вот только взгляд мужа, за общим ужином с близкими им мужчинами, ее встревожил. Заметив это, Виен начала присматриваться к его глазам в течение последующих дней. Он странно смотрел на ИВ, односложно отвечал на его, вполне уместные, вопросы и вообще, старался избегать старого друга. Сегодняшний вечер побил все рекорды. Жан неожиданно резко прервал ужин, правда, извинившись, но вышел, хлопнув дверью.

– ИВ! Прости, мне надо выйти. – посмотрела мужу вслед Виен, оставила тарелку, поднялась.

– Понимаю! Ревность кормить нельзя. – кивнул Василич.

– Заметил! – уже у двери оглянулась, поразившись не только поступку мужа, но и мгновенной догадке друга, остальные с сочувствием смотрели на нее.

– А тут и слепому ясно. Иди, не расти этот волдырь. – вместо ИВ ответил Михаил.

Ви попыталась услышать Жана, еще поднимаясь центральной лестницей на их этаж. Он ходил на верху, занимаясь самоедством. Она тихонько вошла и присела на краешек стола в небольшой гостиной их комнат.

– Поужинала?! – раздраженно спросил он.

– Спасибо! А что с тобой?

– Со мной?! А что со мной? Ничего! Подумаешь, любимая женщина кокетничает с другим, у меня на глазах, а потом

еще спрашивает: «что с тобой»?! – это так было не похоже на Жана, что Виен вспыхнула:

– Все сказал? – Он даже не посмотрел в ее сторону и она, в сердцах открыла шкаф. Жан продолжал маршировать, что опять было не свойственно ему. Жан, даже в спокойные дни жизни, вздрагивал, если она дотрагивалась до дорожной сумки. Потеряв ее однажды, на долгие годы, он болезненно перенес разлуку. Виен это твердо знала и никогда не пользовалась его слабостью, не играла на чувствах. Но вот однажды, совсем недавно, они поругались из-за этого франта Филиппа и она, в опаске высказать мужу ненужные слова, просто взяла и уехала, ни сказав, ни слова – догнал, привез назад, вот тогда-то она и прочувствовала, как он боится ее потерять. «Что могло произойти за такое короткое время? – думала Виена между репликами, если он ведет себя так вызывающе?»

– Да! – сказал, как отрезал, глянул через плечо и устоял в окне, словно только и ждал того, чтобы она скорее покинула этот дом.

– Значит, сможем спокойно собрать вещи и переехать в любое другое место, если здесь тебя так раздражают люди!

– Не ври мне, что тебе безразлично! – Жан оказался возле нее и навис как скала, Виен всунула ему дорожную сумку в руки и гордо, с вызовом, посмотрела в глаза:

– Безусловно, мне не все равно! Я – не твоя собственность!

– Кто бы сомневался! – сумка отлетела в сторону. – Ты же нарочно заморочила мне голову и обратила его. Он ведь, давно за тобой ухлестывает! – таких слов Виен от него, не то, что не слышала, даже представить не могла. Да и вообще всей этой ситуации. Прекрасно понимая, что любое слово обострит отношения, шла дальше, не в силах себя сдержать и его утихомиривать.

– Так это было мое желание?! – она уперлась кулачком в его грудь. – Так это я тебя разбудила посреди ночи, не зная, что делать и боясь потерять преданного, как собака, служащего! Так это я, веду себя как ненормальная, хлопая дверью, как школьник, а не глава огромного Рода! Так это я ради своей увлеченности, а не ты, ради спокойствия всей семьи, вернул его к жизни!

– Да! А я, старый безумец, поддался! – его глаза темнели, и весь облик мужа не поддавался описанию. Виен испугалась. Не за свою жизнь, за мужа. Она подавила свою спесивость, взяла его за руку, в попытке спокойно поговорить, ибо и в мыслях это был не ее Жан.

– Жан! ИВ твой управляющий. Он годами справлялся с тем, что входит в его обязанности, ты мне сам ни один раз говорил, что он не заменим. Что он тебе нужен, но не хочет этого принять. Ты мне это говорил, неоднократно! Поэтому меня здесь, ничего не держит. – Эжан усмехнулся, Ви не обращая внимания на его ухмылку, продолжала, еще нежнее и тише: – Мы год не были на косе, давай съездим на пару

дней, нам там так хорошо было, вдвоем.

– Нет желания. – отмахнулся, но уже не повышал на нее голос.

– Как насчет города? Заберем ребенка, погуляем улочками, может, в театр сходим, или куда ты захочешь....

– Не знаю. Не тянет. – ее голос, спокойный, без оправданий, утихомиривал родившуюся спесь, да и прямо, открыто смотревшие на него глаза, возвращали покой душе. Уставился на нее, а Вилене показалось, что кто-то ему нашептывает, программирует его действия. Прислушалась – тишина. Погладила по руке и продолжила:

– Остается последнее, предложить соседство Ника. – Но Жан, не ответив, вышел, стараясь избежать дальнейшего разговора. Виен не навязывалась. Нет, несомненно, она могла найти компромисс, могла устроить скандал и заставить задуматься над сказанным. Могла и пойти от обратного – лаской и нежностью вынудить жалеть о сказанном. Но она не стала предпринимать ничего, дала ему возможность понять ошибку, без каких либо действий с ее стороны. Одно ее поразило, и она вернулась к этому, как только осталась одна: – Жан даже не дернулся, увидев, как достала сумку, а ведь все эти месяцы, не смотря на то, что она была его законной женой, в минуты, когда он не контролировал свои мысли, боялся ее ухода, больше всего на свете. Он, зная ее больше тридцати лет, изучив ее бунтарский характер, ведал, что при любом, даже маленьком конфликте, она уходит, да-

вая себе время на размышления. А уж вернется ли, вот это было для него вопросом и ооочень жирным.

Время безжалостно проглотило полночь. Жан, делая вид, что усиленно занят работой, ждал, пока она уснет. Вилен, сделала себе и ему чай, молчаливо поставила перед ним на стол и сразу ушла; не вникая в смысл, даже не видя, что происходит на экране, посмотрела фильм, щелкнула пультом и, махнув на его выдуманные проблемы, уснула, оставив все свои сомнения и недовольства до утра.

«Проснись!» – Услышала она властный мужской голос. Открыла глаза и мгновение сомневалась, звали ее или нет, вспоминая сон – пустота. Были лишь краски. Как не было рядом и мужа. Он лег в кабинете, изображая «обиженного».

«Подойди! Подойди к окну!» – слышала она в голове, что совсем не удивило. Вот уже год она слышала людей, иногда подглядывала за теми, чьи мысли проносились мимо, а с появлением под окнами платинового поклонника, вообще была готова, что рано или поздно, он подаст голос. Подошла. Он стоял там же: «Спустишь! Надо поговорить».

– Зачем? Я тебя и так слышу. – ответила и даже не удивилась, как легко он наладил с ней связь.

«Спустишь! – не просил, требовал. – Так будет проще! Зачем будить вселенную, крича на всю солнечную систему? – Вилен промолчала и не пошевелилась. – Я чувствую страх. Страх – это не то, что мне надо».

– А я и не боюсь! Просто не понимаю зачем.

«Действительно, зачем? – полы его плаща разлетелись в разные стороны, хотя Виен не чувствовала и маленького дуновения, вслед за ними и его сияющие волосы заиграли. Ви догадалась, это он подался вперед. – Стены же не помеха! Муж будет счастлив, застав кого-либо, в своей постели».

– Шантаж здесь не уместен. Я ведь могу и закричать, поднять на ноги весь дом, разбудить мужа, в конце – концов, охрану.

«Можешь. Но, как это кончится для него? Ты не задумывалась, зачем я здесь?»

– Я иду! Только оставь его в покое!

«А говоришь, шантаж не уместен!»! – Виен показалось, что гость улыбается, но рассматривать не собиралась. Сбросив ночнушку, надела брюки, легкую кофту, в суматохе забыв про обувь, проскользнула мимо кабинета и побежала на берег. Часы высветили 3:45.

Глава 6

Он стоял на том же месте, где и в первую ночь. Высок, красив, статен, уверен в себе. Как и при первой встрече, одет во все черное, совсем легкое, развивающееся. Длинный не застегнутый плащ, искусно подчеркивал великолепное белое тело. Брюки, заправленные в высокие сапоги. Лицо ясное и властное. Выточенный нос и рот, глаза большие и бездонные. Виен не сразу поняла их цвет. Издали казалось, что они небесно-голубые, минув половину пути, что совсем синие, а подойдя ближе, засомневалась, видя только черноту. Было страшно. И он это знал. Как она знала, что нельзя избежать предначертанное только тебе. Как не уйти от неподвластной тебе силы, не испытай ее до конца.

– Значит это ты, пробуждаешь меня на рассвете? – начала разговор первой, словно бросая вызов.

– Наверное. Или ты сама просыпаешься, ощущая мое присутствие.

– Еще бы не проснуться, когда орут на всю вселенную! Кажется, ты так мотивировал нашу встречу. Но мне плевать на вселенную, а вот в доме все знают, что я как школьница, сбежала среди ночи.

– Все спят! Если это тебя так волнует. Спят, пока Я этого хочу!

– Даже так! – Виен подошла достаточно близко, остано-

лась и уже не изучала его, ей было достаточно того, что она увидела дорогой. Он молчал, а вместе с ним и все окружение. Виленна обратила внимание, что даже море дышит беззвучно. Стоять и молчать было неловко, проглотив очередной прилив тревоги, продолжила: – Кто же ты? Зачем тебе эта встреча?

– Я все и ничего! Дух, мысль, желание! – его слова лились как музыка, мелодично и легко. – Возможно, чье-то воображение, а может быть и больше.

– Ты хочешь сказать, я сплю?!

– А ты, как думаешь? – улыбнулся и глаза прищурились. Виен присела, взяла горсть песка и, отпуская по песчинке, высыпала. Затем взяла подол его плаща, ударившего ее, развиваясь, ткань скользнула из ее руки. Поднялась и решила, дотронулась до его тела. Приятная прохлада побежала по ее руке, добравшись к сердцу, оставила покой и понесла его по венам, доставляя в разум.

– Я уверена, что не сплю. И если ты не ответишь прямо и просто на мои вопросы, уйду.

– Уходи! Но тогда ты не узнаешь то, что тебя гнетет и так долго волнует.

– Вот почему все так?! – его слова задела Виен. – Почему просто не сказать? Зачем эта напыщенность и загадочность? Ты просил – я пришла! Вижу зря. Вы все, мужчины, даже не земные, как ты, раздуваете мыльный пузырь, вместо честной игры! – Она сделала пол оборота, собираясь уйти. –

Справлюсь как-то сама!

– Что же, ты делаешь выбор не в свою пользу! А я лишь хотел предложить сделку.

– Сделку?! – Виен злилась. – Я задала всего два вопроса, не услышала ни одного ответа!

– Не важно, кто я, у тебя есть вещь, которая тебе не принадлежит. Отдай ее мне и все пройдет! Или....

– Что, или? – Виен подняла обе брови, ухмыльнулась, а он стал серьезней:

– Или ты потеряешь все: мужа, дом, достаток.

– Мужа? Так это ты нагнетаешь его состояние! – Утвердилась в своей догадке, помянула Филиппа.

– Нет! Хотя ветерок сомнения пронесся мимо. – Ответ был честен, она это видела. Его глаза вдруг потеплели. Опять стали спокойно голубыми, как весеннее небо. Лицо привлекало, нет, оно манило. – А может, бросишь его? – Виен показалось, что он читает ее мысли, как и она его, и тут же усмехнулась этому, ведь они же заговорили, на расстоянии. А он, сделав мизерную паузу, продолжал: – Я подарю тебе больше.

– Что может быть больше, чем у меня есть?

– Все. Все, что пожелаешь! Весь мир. Вселенная! – Он развел руками, и спокойное море заплясало, бросая пену на берег, ветер пронесся мимо нее, подгоняя мирно плывущие облака. Даже песок закружился у ее ног.

– Весь мир? Какие высокие слова, а за ними.... – отрицательно замотала головой. – Прости, но мне хватает. Чужо-

го же у меня нет ничего.

За его спиной проснулся рассвет, озаряя берег и их ласковым светом. Он стал еще прекрасней. Вилен опустила глаза, боясь пробуждающихся чувств, и заметила, что он не стоит, а парит над землей. Это поразило, но был не тот момент, чтобы над этим задумываться. Свежесть зари пробудила новые запахи и Вилен уловила его аромат, глубоко вдохнула – от него исходил дух желания. Где-то внутри просыпалась ответная тяга; подавить ее Вилен было легко. Ни сердце, ни душа его не желали. Да и разум признавал только Жана, какой бы он не был, со всеми слабостями и недостатками. Он будто увидел ее мысли, улыбнулся, провел, не касаясь щек, по ее лицу. Волна влечения показала себя: голова закружилась или мир закружился вокруг. Ви глянула в его глаза, но не нашла, как надеялась, ни капли насмешки. Они несли любовь. Встряхнув головой, отбрасывая ненужные мысли, спросила:

– Как тебя называть?

– Зачем?

– Мало ли.

– Я рядом. Всегда рядом. Только подумай и я приду.

– Тогда прощай! Мне с детства внушали, что общение с незнакомцами не приведет ни к чему хорошему. – Сказала и осталась стоять, а он удерживал и не скрывал этого:

– Подари мне имя сама. То, которое видишь. И еще. – Вилен была полна внимания. – Я впервые встречаю такого чело-

века.

– Какого, такого? – тихо промолвила она, без капли любопытства.

– Страх скомканный в кулак. Желание, отброшенное в низ живота, но ни капли женского любопытства. Как можно подавлять то, что заложено природой?

– Я не кошка! – обиделась такому сравнению.

– Прости! Только я и не думал тебя с ней ассоциировать. – еще приподнялся и немного отдалился от нее. – Неужели есть на этом свете Любовь?

– И вера, и преданность и благодарность! Прощай! У меня нет ничего, что ты просишь. А с мужем мы разберемся сами.

– Я бы не был столь уверен. – и опять его голос охладил ее, выпрямила плечи, решила продолжить разговор, чтобы понять на чьей он стороне:

– Ответишь на мои вопросы, я, возможно, подумаю над твоими. Так как? – Молчание в ответ. – Прощай, уже рассвет.

– Мне он не страшен. Я, в некоторой степени, живой! – Он опять тянул время расставания, Виен это чувствовала. Уйти могла давно, но и ее удерживала его неведомая сила:

– Твое счастье. Прощай! – Виен развернулась, но наверх не пошла. Села на пустующий лежак, решив тут встретить день. Он постоял еще немного, разговор продолжать не стал. Встретился еще раз с ее глазами и пошел, очень медленно, как бы таща зарю за собой.

Виен опустила голову, вздох вырвался из груди. С уходом гостя ушел покой, вернулись сумрачные мысли о муже: «Вот как, как он может со мной говорить в таком тоне, да и вообще так поступать?! Не он ли год назад, сидел у моей постели, будучи чужим человеком и вытягивал из лап смерти? Так что теперь? Что я сделала не так, что он меня унижает? Нет, без Филиппа тут не обошлось!» Услышала шаги по песку, поворачиваться не стала, убрала слезы с лица.

– Ви! Что ты тут делаешь, в такую рань?! – Ни нотки вчерашнего голоса.

– Дышу.

– Холодно. Конец августа. И снова босиком! – Жан заметил ноги, мокрые, в налипшем песке. Виен опустила голову, усмехнулась, она даже не почувствовала.

– Не холоднее, чем в пустой постели. – слыша его сомнения в собственной правоте, решила укором ответить на вчерашнее хамство.

– Прости! Я заработался, не хотел будить. – присел рядом, поднял ее ноги и, согревая, растирал, убирая песок.

– Раньше тебе это не мешало. – заглянула в глаза, удостоверилась, что понимает. – Жан! Ты не умеешь врать, не начинай!

– Прости! Я был неправ, вчера. – Виен промолчала. – Может, пойдем? Ты как ледышка...

– Как скажешь. – только с места не сдвинулась, Жан тоже. Молчали, не долго. Жан положил руку на ее спину. У Виен

вырвался отчаянный шепот. – Ледышка! Как не стать, когда умирает любовь!

– Вилена! – объятия стали сильнее.

– Молчи! Не я тебя разлюбила. Ты сам топчешь нашу любовь! Словами, поступками, мыслями! Но делай, как хочешь, твоя жизнь. – поднялась и пошла наверх, Жан отставал на полшага, Вилен слышала его дыхание. Ступенька, вторая, прошли десять и она, не повышая голос и на пол тона, спросила: – Ты решил, уезжаем, или ждем детей здесь?

– Подождем здесь. А что, у тебя поменялось желание?

– Не хочу тебя потерять! – Это был крик души, слышимый лишь двоими. Его руки остановили ее, прижали к себе. Ей даже показалось, что все вернулось – тепло, любовь, забота....

Ей показалось...

Глава 7

«Мы» умирает от первого посягательства, что один из двух – собственность второго.

****

Утро. Открыв глаза, Виен поняла – все, это конец! Постель его еще была тепла, но Жана не было. Его вообще больше не было! Виен не слышала его ни в доме, ни в округе. Поднялась и открыла шкафы, он взял только самое необходимое. Наличие зубной щетки и расчески ни о чем не говорило. Провела рукой по голове, прижимая, вставший от ужаса ежик волос:

– Так уходят от надоевшей жены! – Пошла, волоча ноги и держась за грудь обоими руками, сдерживая всхлипы. – Бросил. Он меня бросил! Только не реветь. Только не разреветься! – краем глаза заметила лист, белеющий на столе в их гостиной.

«Прости! Мне надо понять себя. Возможно, и тебе без меня будет легче».

Ни обращения, ни подписи, ни сухого прощального «пока».

Виен заперла дверь, сложила лист и, положив под подушку мужа, легла и закрыла глаза. Слез не было, только ужасная боль в сердце и разрывающиеся легкие, не выпускающие крик.

В дверь постучали, Катерина пришла убирать. Постояла немного, ушла, наводит порядок в других комнатах. Поцарапалась кошка, издала недовольные «мрряв» и улеглась по ту сторону двери, охраняя. Время от времени проводя лапкой по закрытой двери и зовя хозяйку. Зазвонил телефон внутренней связи, протянула руку – оборвала провод.

«За что?!» – кричало в голове и пульсировало в висках. В груди появилась трещина.

Опять постучалась Катя, и опять не дождавшись ответа, ушла.

Сон не приходил. Зато окутало безразличие, простое равнодушие к собственной жизни накрыло одеялом. Затылок потяжелел, начало закладывать уши, но Виен даже не шевелилась, лежала на боку, сквозь прикрытые ресницы, поглядывая на его подушку.

– Виен! Открой! Это я. – настойчиво просил ИВ. – Уже полдень.

Отморозилась. В окно, вовсю палило солнце, мешало. Оторвала себя от кровати, опустила жалюзи, задвинула шторы и опять спряталась в постель.

Очнулась ночью. **ОН** стоял на том же месте и ждал, такой же величественный, еще больше красивый, просто неземной, не торопя, не зовя, не требуя. Тяжелые, платиновые волосы не струились как первые дни, а развевались в разные стороны, как и полы его черного плаща. Море вторило им, беспокойно кидаясь на берег. Виен подошла к окну, рас-

пахнула, впуская ночную свежесть:

– Пошел к черту! – подумала она и снова наглухо закрылась. – Уж лучше задохнусь, чем тебя слышать, видеть, знать! – Глянула на кондиционер, стыдливо спрятавшийся в самом углу. – Вот и молчи. – сказала железяке, но не включила, побродила по комнате, дошла до ванной. Слезы хлынули с первой каплей воды. Плакала долго, зажав рот, чтобы не будить дом, сидя на холодном металле душевой. Закончилась теплая вода, загудел бак, нагревая новую. Холодный поток воды обливал тело, не успевая нагреться.

Выплакавшись, замерзнув, надела чистое белье, выбрала платье. Грянул гром, хлынул ливень. Ви заперла дверь в спальню и села на подоконник, открыв одну створку. **ОН** испарился. Вздохнула. Заострила внимание на каплях, падающих на стекло и понеслась в прошлое. Чуть больше года, такой же дождливый день уносил ее далеко от жизни. Жан спас, вытащил. «Зачем? Чтобы бросить, просто уйти без объяснений? – задавала она себе вопросы и тут же отвечала: – Чтобы убить! Морально убить!»

Пляж был пуст. Внезапно налетевшая гроза разогнала всех. Однако Вилен не замечала этого, пустота была в ней самой. Совершенно онемело тело, но и это не заставило ее даже пошевелиться. В дверь постоянно стучали, она и на это не реагировала. Напротив окна появился ИВ, помахал ей. И это ее не интересовало.

День сменился вечером, спустилась на кушетку, положив

голову на подоконник. Видела бушующее море, растущие, практически черные волны, рвущиеся к ней. Пожалуй, это было единственным, что трогало ее внимание, что распознавал заснувший мозг. Все краски исчезли, остался серый цвет и красный небосвод, раздираемый молниями, грязная вода и ночь...

Зазвонил мобильник.

– Да! – Выдавила она из себя.

– Муль! Привет! – Прощебетала Ев.

– Я сплю! – тихо прохрипела и отключилась. Звонок повторился. Швырнула телефон на кровать и уставилась в окно. **ОН** больше не появлялся, а она не задумывалась, хорошо это или плохо. Внутри все умерло. Дождь заменил слезы....

День не сильно отличался от ночи. Красок по-прежнему не было, звуки отсутствовали, все, кроме завывания ветра и рева моря. Зазвенели ключи, щелкнул замок, открылась дверь гостиной комнаты – **ИВ** вспомнил о дубликатах:

– Ви! Не глупи! Поешь, я оставлю поднос на столе. – Стукнул слегка по двери и удалился, понимая, что ей не до встреч. Так повторилось трижды, менялись лишь голоса: Игорь, Юрий и даже Михаил. Последний из мужчин, пригрозил выломать дверь.

Смотреть на постоянную серость надоело. Перебралась в кровать. Рука нашла забытый ею приговор. Крик вырвался из груди и стоном наполнил спальню...

Минула ночь, за ней еще одна. Ни слез, ни голоса больше

не было.

«Возможно это все ложь, такая же, как и его любовь? Нет никакого дара, и бессмертия нет? И жизнь, такая жестокая, останется здесь, на этой холодной постели?» – проснувшийся мозг начал мыслить. Вилена безрассудно принимала решения. Забегала по комнате, обыскивая ящики, в поисках таблеток, своих обезболивающих, на которых жила достаточно долгое время до того как... Их не было. Смутно вспомнила, что за год не выпила ни одной. Открыла дверь, пошла по комнатам, выдвигая ящики в поиске хотя бы снотворного, передвигаясь как приведение. Сама не заметила, как оказалась на улице. Бесцельно пошла вперед и уткнулась в закрытые ворота. Постояла, тупо смотря на них. В мозгу щелкнуло. Повернула налево, достигла ступеней к морю. Те самые, 172 ступеньки, железной лестнице, по которой их судьба, с дочерьми, привела в этот дом, в ДОМ ГАЕВ. Спотыкаясь, скользя по мокрому железу, спускалась вниз, постоянно вытирая руками заливающую лицо воду. Не успела схватиться за поручни и покатила вниз. Хруст раздался в левой руке, в глазах потемнело и ....

Открыла глаза, когда ночь начала уступать дорогу серости нового дня. Поднялась, левая рука упала плетью, совсем не слушалась. Упрямо минула второй пролет, подошла к воде. Стихия разразилась с новой силой. Море поднималось на дыбы, пытаясь вывернуться на изнанку. Схватило ее, затянуло и закружило, всасывая в пучину. Виен закрыла глаза,

отдаваясь холодной, безжалостной воде....

Сильные, мужские руки схватили ее, потащили вверх. Седые, мокрые волосы упали на лицо, грудная клетка затрещала под нажимом. Закашлялась, приоткрыла глаза, и тут же устало опустила веки.

****

Михаил подскочил к краю обрыва и увидел, как над Виен наклонился незнакомый человек, поставив руку ей на грудь, посылая ей яркие импульсы. Выкрикнул в рацию: – Срочно ко мне! – и понесся вниз. Но ни Вилены, ни мужчины уже не было. С ее окна слетела сетка, с грохотом открылись створки.

– Что за хрень! – выругался Михаил, побежал назад. Навстречу ему шли ИВ и Игорь:

– Где она?

– Кто же это знает. Блин нафик! Я собственными глазами видел, как какой-то мужик, с платиновыми косами, нес ее из воды. Затем поставил руку на грудь и между ними сверкнул огонь. Я полетел к ним, а их нет! Но не украл же он ее. Пляж пустой. – Михаил постоянно озирался, выискивая по сторонам.

– Поднимусь, – сказал ИВ, – из ее окна вылетела сетка, фрамугу чуть не вырвало.

– Не думаешь ли ты, что она перелетела?! – бросил Михаил.

– А у тебя есть другие варианты? – спокойно ответил ИВ,

хотя сам был на взводе.

– Подождите! Не грызитесь! – стал между ними Игорь. – Михаил! Просмотри здесь вокруг еще раз. ИВ, давай обследуем все наверху, какие у нас пустые домики?

– Вы не слышите? – голос ИВ сорвался на крик, но тут же он взял себя в руки. – Я посмотрю в ее комнате, а вы делайте, что хотите. Для меня главное сейчас, привести Виен в чувство! – Отрезал все предложения, подчеркивая свое отношение к женщине.

– Да нет ее в комнате! – доказывал Михаил, а ветер уносил его слова. – Я сам видел ее у воды!

– Я все сказал. – стоял на своем ИВ.

– А если у нее заперто, будешь дверь ломать? – зачем-то спросил Игорь, совсем растерявшись.

– Дверь важнее человека? – взгляд ИВ впился в парня, тот даже вжал в плечи шею.

– Прости! Это я от волнения за Ви, она же.... – парень замаялся и пошел осматривать пустые домики.

****

Виен очнулась на кушетке, мокрая, вся в песке, с неестественно изогнутой рукой и страшной болью во всем теле.

«Это не выход и не решение проблемы!» – до Вилен доходил смысл мужского, грудного, довольно таки спокойного голоса, знакомого ей. Сквозь ресницы пробивалось сияние его волос. Подняла голову, а он уже растворялся, оставляя за собой лишь свой, невероятный запах. Облокачиваясь

на одну руку, царапая спину о безжизненный пластик подоконника, Вилен села. За дверью приближался топот торопливых шагов. Открыли дверь в гостиной и ИВ, дергая ручку дверей ее спальни, позвал:

– Ви! Ты здесь?

– Идите к шутам! – прохрипела она.

– Вилен! Это уже не смешно! Я просто выломаю дверь!

– Пошел вон! – повысила она голос.

– Я не шучу. Открой дверь. Пожалуйста!

– Пошли вон, все! Убирайтесь! Оставьте меня в покое!

Вон! Идите вон! – Она кричала хриплым, сорвавшимся голосом, безумно смотря на дергающуюся ручку. Ноги тряслись, нервы были на взводе, и это отражалось на ступнях, а ИВ, словно не слышал ее:

– Вилен, Ви! Дорогая!

– Еще одно движение и я отпущу руку. – угрожающе сказала она, блефуя, но тут же поднялась на ноги, выставив себя в открытом окне, примеряясь, насколько у нее хватит сил, прыгнуть с него.

– Ви, не смей! Все, все! Я отойду. Только не делай глупости. Сама будешь жалеть. – ИВ прислушался, что-то слабо стукнуло, затем по полу зашлепали босые ноги. Долго не могла справиться с замком, открыла, высунула белое как полотно лицо, без кровинки, даже в уголках глаз:

– В этом доме можно найти покой, или мне всех уволить? – совсем прозрачные, потерявшие свой голубой цвет

майского неба глаза глянули на него, Виен не узнавала мужчину, он был размыт в ее восприятии.

– Вилен! – ИВ стоял у двери, совсем рядом с ней и ему казалось, что женщина его не видит, настолько безжизненными были глаза. – Виленочка, милая! Ты взрослый человек. Давай поговорим, спокойно.

– Пошел вон! Иди, разговаривай с ним! Я видеть никого не хочу! Убирайся!

– Ви!

– Меня нет! Нет меня больше! Он вычеркнул меня, как ненужную строку в письме! Стер, нажав клавишу «Delete»!

– Вилен! Вот, что ты говоришь?! – боясь даже пошевелиться, мужчина пытался вернуть ее словами.

– Я больше никто! Нет у меня имени! Безымянная я! – Силы покидали ее, Виен, почувствовал, как подкашиваются ноги, захлопнула дверь и сползла. Боль в руке вернулась, застонала. ИВ подскочил к двери, присел, слыша где она расположилась, тихо – тихо позвал:

– Вилен! Ты есть, ты всегда будешь.

– Не поминай больше это имя! Оно умерло! Утонуло! Сто- рело, вместе с моей душой! – выкрикивала она каждое слово.

– Вилен! Подумай о девочках.

– О! – взвыла она и сорвалась на хохот, истерически, всхлипывая. – Шантаж! Опять шантаж. ИВ, хоть ты не опускайся до них. Уйди! – Всхлипнув пару раз, обессилено протянула ноги, опираясь здоровой рукой, но уже более спокой-

но добавила, подняв к потолку опустошенные глаза. – Уйди.

– Вилен! – Последний раз попытался мужчина обратиться к ее разуму.

– Имени этого не называй, безымянная я, отныне! – То ли пропела, то ли простонала. Просто оторвала голову от двери, махнула рукой, зацепившись здоровым плечом о дверной косяк, чтобы не грохнуться, попыталась подняться. Ноги скользили, ухватилась за ручку, поднялась, и ИВ услышал шарканье ее ног.

– ИВ! – Позвал Михаил: – Ты так ничего не добьешься. Ну, день еще, и она придет в себя.

Им в спины ударила волна громкой музыки: «Расставанья маленькая смерть...» – все громче и громче, повторяясь, как только закончится.

– Ты ее не знаешь! – в ужасе проговорил ИВ, совсем не зная, что делать. – Они с девчонками, ненормальные!

– Смотря, какой линейкой, ты измеряешь эту норму! – Присоединился к их разговору Игорь.

– По общепринятому стандарту! – сгорбился, уставился в пол и прошел мимо них.

– ИВ! Не кипишуй! Она дома, считай, что у меня был глюк. – Окликнул Михаил. ИВ оглянулся на дверь, за которой, под невероятным криком колонок, пряталась Вилен. Громкость – уже было отклонение от его Вилены, которую он знал много лет. Слезы, крик, внешний вид – такого он не видел за все годы их знакомства. Он почесал затылок, за-

тем подбородок: – Смерть и то лучше выглядит! Пойдемте, работу никто не отменял.

– А где Жан? – Михаил выдал наружу то, что мучило всех служащих, – что вообще происходит?

– А я знаю?!

– И я не знаю. – пожал плечами Игорь. – Я хотел позвонить, но как-то не решился.

– Я, даже не пытался! – Бросил ИВ, ускорив шаг.

– Он вне зоны, все эти дни. Надо звонить детям. – Михаил смотрел на ИВ, молчаливо намекая.

– Почему я?

– Потому! ИВ, ты же сам знаешь почему.

****

Вилена смотрела в зеркало и видела совершенно чужое лицо. Черные потухшие волосы торчали в разные стороны. На пергаментно-белом лице выделялись черные круги глаз, с бесцветными зрачками. Синие губы, потрескавшиеся, высохшие. Рука изогнута в другую сторону. Из ранки текла кровь, но уже не алая, а совсем белесая.

– Белые делают ход и побеждают. – Глядя на струйку, произнесла она и вернулась к зеркалу. – Вот блин! В воде не тонем, в огне не горим! Зато руки ломаем. Может шею сломать? – Она как смогла, умыла лицо, стащила мокрые вещи, взыв, снимая их с поломанной руки. Немного подумав, зашла в душ. Одевшись с трудом, прошла в гостиную, открыла бар, из первой бутылки полила на рану, скривилась от бо-

ли: – Что же так больно? Давно пора привыкнуть... – Стонала, растирая руку, слыша как кости под кожей перемещаются. Затем выпила, прямо из горлышка. – А может искупать себя этим и испробовать огонь? Вдруг получится... А если нет? Жить в шрамах? Хотя, какая разница. Гадюшник – то, точно сгорит, синим пламенем, а я нагреюсь... Наконец-то нагреюсь....

Не выпуская бутылку из рук, пошла в зимний сад, забилась в самый дальний угол и затихла.

Хлопали двери, сновали люди, орали птицы. – Нет! Это невыносимо! В норку, в свою норку. Буду маленькой серенькой мышью. – вернулась к себе, заперла все двери, бросила опустевшую бутылку прямо на пол, легла в кровать и укрылась с головой. – Я не мышь и даже не крот. Я слизняк. Скользкий, мерзкий, безликий. – отключаясь, нашла себе новое имя.

Глава 8

Свет яркого солнца пробивался сквозь шторы и одеяло, Виен стащила его с головы, уставилась на окно. В соседней комнате тихо разговаривали, но она не могла разобрать ни слов, ни интонации. Она даже не узнавала голоса:

– Странно! Обычно я слышу все, особенно то, что не хочу. – полежала, пока к свету привыкли глаза. Поднимаясь, вспомнила о руке, на ней была тугая повязка, боль ушла, лишь небольшой дискомфорт. Сползла с кровати, привела себя в порядок, если так можно охарактеризовать ее действия. И опять уселась у окна. Вспомнила что-то, нахмурила брови:

– А где ТО, что так просто разрушило мою жизнь? И где тот, что забрал у меня все? Даже такой пустяк, как смерть?! – пауза, вздох, взгляд на свое отражение в стекле. – Что я теперь? Кто я теперь? Зачем мне надо это существование? – Скатилась с кушетки и тишину разорвала, в сотый раз: – «Там, где ты – нет меня. Там где я».....

Приоткрылась дверь и в комнату вошли, но она не повернулась. Ей было индифферентно, ходят здесь, видят ее или слышат, кто ходит... Она была слизнякам. Для себя. А они не парятся на чей-то счет. Что-то говорили – она не слушала. Закончилась песня – повторять не стала. Поняла, что лень сделать даже и это. Прошла мимо кого-то и села в углу сада.

Так же бездумно переместилась назад, улеглась в кровать. Просунула руку под подушку, ничего не нащупала. Вскочила и отбросила подушку в сторону, раздался грохот, сбила какой-то предмет. Вилен не обратила и на это внимание, сорвала простыни, затем матрас. Крик ужаса вырвался из груди, и Виен, как сумасшедшая, забегала по комнате, переворачивая все, ища маленький клочок бумаги, обрывок, где осталась вся ее жизнь.

– Мама! – услышала она в другом измерении голос Вел. – Что ты творишь? Ты можешь сказать, что ищешь, мы поможем. – Виен не ответила, просто разучилась это делать. Стон заглушал слова, которые пробивались к ней. Заметила корзину для грязного белья, пошла к ней, вывалила все на пол, проверила каждую вещь. Записка нашлась в кармане халата. Не читая, прижала к груди, села на окно и, застонав, расплакалась, раскачиваясь как маятник. Затем стон сменился всхлипыванием и причитанием: «За что?!»

Вел пыталась вытащить листочек из рук мамы, не подходя, но сопротивление матери было сильно. Она срослась с этим клочком.

– Вел! Не надо. – попросил Эд, почерневший от вида, так полюбившейся ему, этой низенькой женщины, не столько матери его любимой, или жены его отца, а как друга.

– Я хочу знать, что там, в этой бумажке.

– Узнаешь, хотя и так понятно, что ничего хорошего. – Они вернулись по тревожному звонку и просто ужаснулись

плачевным зрелищем, принялись приводить Виен в чувство, так и не успев узнать конкретно причину.

– Тебе понятно?! А мне нет! Просто так она бы до такого не дошла! – Вел была на взводе, не контролировала тон, не взвешивала эмоции.

– Не повышай голос. – Эд подошел к ней: – Не я обидел маму.

– Прости.

Дэн прикладывал все силы, чтобы успокоить Ви, правил ее ауру, убаюкивал душу, но она и ему не поддавалась, закрывалась иголками, или пряталась в раковину. Так прошли еще одни сутки, но уже с ними.

А Виен влачила свое новое существование – просыпалась в три утра, садилась у окна, почувствовав солнце, одевалась, выбиралась в сад, совсем ненадолго, пока солнце не покинет ее окон. Как лунатик, возвращалась и забиралась в холодный душ, иногда забыв даже снять с себя вещи. Сразу ложилась, впадала в сон, тяжелый, пустой. Все было как сомнамбулизм, но сегодня, найдя листок, появились эмоции.

Ев долго смотрела на все: на попытки сестры, на визуальные усилия Дэна – не выдержала, подошла и просто разжала пальцы, взяла скомканную записку. Мать не отреагировала. Вел прочла вслух и положила измятый клочок бумаги на стол. Эд перечитал сам, точно жена могла что-то упустить:

– Идем, узнаем у ИВ, что тут произошло! – Кивнул он Дэну, через силу сдерживаясь.

ИВ чувствовал себя неудобно, сковано, ведь это он пропустил момент, допустив срыв Вилены, пустил на самотек, да вообще ничего для нее не сделал!

– Ребята! Правда, не в курсе. И не только я. Каюсь! Надо было позвонить вам раньше, но я не видел, что творится за закрытой дверью. Мы надеялись, что решим сами, не тревожа вас. Не получилось! – похудевший, посеревший, еще не совсем поправившись после недуга, стоял как школьник, перед братьями, выше его на голову и на сажень шире в плечах, и смотрел в глаза, каясь.

– А надо было позвонить, в первый же день! – Укорила Вел, вошедшая за ними, парни расступились, вздохнув.

– Ну, простите! Насколько знаю, Ев научилась видеть, и что? Могла бы и сообразить. – ИВ не оправдывался, старался донести суть.

– Сообразишь тут! Ма отключилась, Жан за зоной. У меня в голове только серые вспышки. Откуда мне было знать, что это сигналы СОС?! – Ев не хотела идти, осталась с матерью, присела рядом, погладила по голове. Та и на это не отреагировала, вздохнув, позвав ее пару раз, раздумала, побежала за остальными, и как оказалось, не напрасно. Однако ИВ прав, проморгали, что уж тут. – ИВ! Мы, правда, думали, что они с отцом просто решили побыть одни, как в прошлом году. А тут я еще ей позвонила и сказала, что у нее появился поклонник.

– Поклонник?! Был тут один. – Игорь вспомнил субстан-

цию, окутавшую их дом за пару дней до драмы.

– Подождите! – Михаил встал, – Ев, кого ты видела?

– Да, такого высокого, красивого, с длинным, седым волосом. Больше ничего сказать не могу, он быстро испаряется, не оставляя следа.

– Это тот же, что я заметил! ИВ, помнишь, в то утро, ну, когда она...?

– А на записях? – Поинтересовался Эд, перебив Михаила, не дав ему при девушках рассказать еще одну неприятность, содеянную Вилен.

– Ничего! Хотя... Смотрите сами. – поставил диск, отошел в сторону, готовясь принять удар на себя, за все произошедшее. Эд сел за комп, просмотрел двухнедельную запись, промотал раз, второй, на третий нажал стоп кадр:

– Это он?

– Да! – ответили Ев и Михаил. – Как ты его разглядел?

– Он двигается с невероятной скоростью. Заметил мелькание, неестественное, уменьшил. Он у дома все дни, стоит и смотрит, как бы наблюдает. Просто следит. – кадры ползли, Эд не отрывал взгляда. – Так говоришь, Михаил, видел его над Виен?

– Да! На берегу. – Михаил оглянулся на девушек, соображая, как бы преподнести мягче.

– Посмотрим. – Эд, даже не подозревая, что могло быть хуже, чем они уже узнали, вернул все в норму и запустил просмотр, озвучивая. – Вот Ви спустилась. Жаль, берег

не снимаем, хотя... А где тут у нас запись с угловой камеры? Ага! Кажется это она. Так, это отец, они вернулись с пляжа, что в такую рань делали там...? Игорь! Нет съемки по времени раньше?

– Наверное нет, мы их редко сохраняем, только если, что-то важное. – отозвался парень, так же как и они не видевший падения Виен.

– Понятно. – Эд прокручивал дальше, продолжая говорить. – Отец уехал. Посторонних нет. Ага! Вот ЭТОТ, назовем его Маг, отшвырнул сетку и опустил Виен за окно. Просто летающее несчастье!

– Какое же это несчастье? – возразила Ев: – Он маму вернул!

– Откуда? – Глянул на нее Дэн, смотря на все, как на фильм, то что в руках была Виен, никто ему не докажет, да и ЛЕТАЮЩИЙ человек – это уже слишком! Собрался было обругать всех за то, что не время и не место шутки шутить, как брат, увидев нечто, обратил на себя внимание:

– Не торопитесь, люди! – Эда взял азарт, он хотел во всем разобраться, чтобы наверняка знать, что делать дальше. – Камера, что в беседке, она же тоже крутится, я сам устанавливал. Сейчас, сейчас! Так..., вот лифт. Движение мимо него и камера должна начать фиксировать.

– Подожди! Мы этот диск сменили буквально вчера. – Сказал Игорь, держи, там быстро заполняется, днем спуют все кому не лень, на пляж.

Эд лишь глянул на него:

– Говорите на рассвете? Охрана, блин! – Эд сдерживал крепкие словца. – Значит, глянем ночные записи. Так! Это кто, Виен? Да. Она! Сейчас увеличим. Как лунатик.

– Да нет, Эд! – приблизилась к экрану Вел: – Она осознано идет.

– Ты думаешь? Посмотри, она спотыкается и натывается на все.

– Вернись и посмотри на глаза. Она знает, что делает! О Боже! – вскрикнули девочки, увидев, как мать, упав, скатилась по ступенькам и пролежала больше десяти минут.

– Ну, вы..... – не сдержавшись, выругался Дэн. – Какого рожна здесь сидите?! Чья смена была?

– Моя! – подошел Михаил. – Я не заметил. Видел, что выходила, а потом, по времени понял, что надо за ней идти, долго на улице была.

– Естественно! Бог мой! На улице ливень, шторм, гроза, а женщина ночью вышла позагорать и подышать свежим воздухом! Мать вашу! – Выругался Эд и запустил запись дальше.

Виен встала, рука повисла, так же шатаясь, пошла дальше. Какое-то время ее не было видно, пролет ступеней пошел в бок. Эд еще больше придвинул изображение берега. Появилась Ви, неспешно зашла в воду. Волны накрыли ее, она не сопротивлялась.

– Считайте, что вот здесь я утопил всю дружбу с вами. –

повернулся к мужчинам Эд, стуча пальцем по экрану.

– Эд! Ночь была. Я не спал, но ничего же не предвещало.

– А она утонула! Ты это понимаешь? Это просто чудо, что она сейчас наверху! – Эд процедил сквозь зубы и смотрел дальше, вернул запись назад, уменьшил скорость и словно, издеваясь над собой, в первую очередь, смотрел замедленный повтор. Мелькнуло, нечто черное, в блике молнии. Это существо, птицей бросилось в воду и вытащило Вилен, затем огонь, что видел Михаил, и взлет с ней.

– И? – повернулся ко всем Эд, – Что за выводы? Всех, к ..., в Сибирь? Валить пожизненно лес?

Мужчины молчали. Эд махнул рукой, обнял Вел и четверка удалилась.

– Михаил! Только честно, ты видел и ждал? – закрыв за молодежью дверь, спросил ИВ. – Тот молчал. – И ты знаешь где Жан?

– Нет! И я не видел, слово даю! Вышла, я еще подумал, ну, мало ли, поплакать хочет, чтоб не в доме. Даже не видел, как к лестнице подошла. Что на эту камеру смотреть, картинки горели со всех объектов. Не оправдание конечно, но. Не нарочно же я ее убить хотел!

– Напряги совесть, найди хозяина! – ИВ хлопнул дверью и поднялся к молодежи.

– Сколько нет отца? – Увидев его, уточнил Дэн.

– Больше двух недель. Дети! Я, правда, сбился со времени!

– Ты болел, – кивнула Вел, – мы знаем.

– Не в этом дело. Жан был какой-то взъерошенный, два последних дня, а может больше. Виен сглаживала. Мне еще показалось, что его кто-то «поджучивает».

– Ник звонил? – сразу спросил Эд.

– Мне или ему? Мне нет, а с кем говорит Жан, вы же знаете, я не слышу, даже если и нахожусь рядом.

– Я имею в виду, после его отъезда, дед звонил вам, интересовался как дела в доме?

– Нет. Да и нет его там, катер на месте, разве машиной...

– Я все равно проверю. – Эд набрал деда. – Привет! Отцу дай трубку. Нет? А должен был заехать. Прости, важные дела. Да, позвоню, пока. – задумался.

– Что будем делать? С чего начинать? – Спросил ИВ.

– Первое – ребенка забрать. Завтра дети возвращаются в город. – Напомнила Вел.

– Дэн! Смогаешься? – Эд брал руководство в свои руки.

– Само собой! Я помчался, держите меня в курсе. – проверил телефон, нашел ключи, обнял обеих девчонок, прося держаться и унеся.

– Ев! – повернулся Эд к ней: – Теперь все в твоих руках.

– Интересно, что именно?

– Помоги, пожалуйста! Ты сможешь! – Эд сменил тон, присел с ней рядом.

– Да, что вы от меня хотите? – она и правда не понимала, что могла сделать в такой ситуации.

– Я тебе помогу, – не унимался Эд, не ища нужных слов для пояснений, просто говоря, как получалось, от волнения и злости. – Найти Жана!

– А он нужен? – взбеленилась Ев.

– Ев! Очень, нужен! – вмешалась Вел, – хотя бы за тем, чтобы убить!

– Он должен быть где – то рядом. – Эд взял ее за руки, думая: «Пусть говорят что хотят, хоть матом ругаются, только бы помогло». – Войди в меня, ты же там была уже. Найдешь лазеечку, а уж оттуда достучишься до него. Просто пошли ему картинку, пусть увидит не то, что с Ви сейчас, а как она... Ну, ты понимаешь. Это подхлестнет его. Чтобы у них не произошло, но допустить ее гибели он не сможет.

– А говорили, что чувствуете наше состояние, как свое! – бурчала Ев, уже осознавая необходимость этого предприятия.

– Девочки! Я уверен, ему, кто-то или что-то закрыло глаза. Не оправдываю, нет! Не смотрите на меня с укором и недоверием. Но и судить не буду, пока не поговорю и не узнаю правды.

– Напекаешь, что это мама виновата? – Вел сжала кулаки.

– Упаси Бог! Даже не думал! Однако я знаю, как он ее любит.

– Любил! – поправила Вел.

– Нет! – Замотал головой Эд, – Не поверю, что чувство ушло внезапно.

****

Виен все так же сидела на подоконнике, как и час назад, смотрела в пустоту, через мир за окном. Постепенно боль уменьшалась, как и огонь отверженности в ее ладони. Опустила голову и разжала пальцы – записка исчезла. Истерика сразу же вернулась. Вскочила на ноги, в голове было только то, что она потеряла, большего глаза не воспринимали, ничего другого не видели. Крутила головой, водила руками, обшарила кушетку, попыталась отодвинуть, но не смогла. Опустилась на пол и обыскала каждый кусочек, ползая под окном. Резко выпрямилась, закрыла глаза и принялась. Открыла дверь, листик лежал на столе:

– Вот ты, моя боль и унижение! У тебя тот же запах, что и у смерти. Теперь-то, мы не потеряемся. – Сникла, плечи опустились к земле, горбясь так, что уменьшилась вдвое, шаркая босыми ногами, перебралась к себе. Губы совсем пересохли от жажды и потрескались, принося боль, при малейшем движении, и прозрачную жижу вместо крови. Зато боль напомнила, что она все еще жива. Притихла и слушала, как долго, на этот раз, боль продержится. Едва та стихла, Виен вызвала ее вновь и, прикрыв глаза, следила, куда, внутри нее, опустится. Это было новым занятием, похожим на истязание собственного тела. Она даже начала получать от этого, некое наслаждение, немалое удовлетворение. А в голове был всего один вопрос – как долго она сможет это терпеть?

Глава 9

Жан, почерневший от нескончаемого потока размышлений, сидел в заброшенной хижине, в своих угольях, там, где в устье реки иногда появлялись забежавшие животные попить воды. Но чем дольше он оставался в этом месте, тем угрюмее становились его мысли, чем хмурее настроение, тем реже прибегало сюда живое существо.

Что повергло его на этот поступок, он и сам не знал, раздумья не давали ни одного ответа. Он все больше запутывался, злился, на самого себя, оправдывал жену, тут же отмахивался, считая, что она сама намекнула ему на отъезд, своим поведением, но сразу же ругал себя, на чем свет стоит, и убеждался в ее ангельском характере. Сокрушался, вспоминая боль и задумчивость в ее глазах, зная, наверняка, что от его бессилия и бездействия на пережитые сложности была ее печаль, в которых именно она, несмотря ни на что, принимала правильное решение и его же благодарила. Затем эти всплески ревности, родившиеся на пустом месте, глушили его рассудок. Еще недавно он сам укорял старшего сына за такой недостаток, поясняя, что это не достойно настоящего мужчины, и вдруг, его накрыло с головой, без малейшего просвета. Он начал бояться многого, а затем и всего, что касалось их отношений с Вилен. Опасался услышать: что она устала, разлюбила или разочаровалась, страшился быть не нужным,

стать физически не состоятельным, все чаще и чаще вспоминая свой возраст. Снова возвращался к недавним событиям, где не он ее защитил, не смог закрыть своей грудью, отвести беду, а она сама, как ему показалось, с легкостью, преодолела очередной барьер. А еще эти, непонятные уму, визиты....

Вот так у Жана наслоилось одно на другое, что усугубляло, даже незначительные мелочи.

За последние два дня стало еще хуже, он неоднократно замечал, как каждая сделанная им ошибка, отпечатывается на ее любимом личике, увесистой пощечиной. Он бросался в крайности и сорвался. Не сдержался, взял тайм-аут, решил побыть один. Разобраться в себе, перебороть ревность, найти новые силы, бороться за ее любовь и уважение. Но с каждым днем, даже с каждой минутой, все больше запутывался.

Сутки не выпускал телефон из рук. Ждал ее звонка – выяснения, даже скандалу он был бы рад. Хотел, всей душой жаждал услышать ее, с простыми словами: – «Жан, блин, что ты творишь?! Давай быстро домой!» Но она не звонила.... Как не звонили и его преданные друзья. На утро стал злиться на ИВ и оживлять свои подозрения:

– Рады! А ведь они рады моему отъезду! – кричал он, маршируя по хижине, но тут же останавливал себя, обзывая последними словами, принимая ее поведение, объясняя гордостью, своевременной обидой, даже пробой установить главенство в их отношения. На Васильевича же, просто махнул рукой, заметив себе, что тот никогда не вмешивался в их

личные отношения, что никогда не звонил, без надобности. Не позвонил ему и Михаил, значит все в порядке.

– Да и что могло случиться?! – отвечал он своему отражению в воде. – Виен умная женщина, сильная, рассудительная, а мужчины будут делать привычную работу, тем более должны приехать дети, так что ей будет не скучно. Впрочем, скучно ей не бывает. Есть, кому развлекать, есть с кем провести свой досуг....

К вечеру второго дня забросил телефон, а когда он ему попался на глаза, увидел, что батарея разряжена, отнес в машину, стараясь выбросить из головы все тревоги и волнения, все мысли, кроме отшлифовки собственного характера и поведения на будущее.

Время летело с молниеносной скоростью. Не находя сил взять и приехать, как ни в чем не бывало и начать жить дальше, он откладывал возвращение до следующего дня. Утром же, проведя практически бессонную ночь, не заметив в себе изменений, отсрочивал решение до вечера, а за ним и опять до утра. Затем Жан начал выискивать причины возврата, за ними искал слова оправдания, прекрасно понимая, что жена потребует отчета, где он провел все эти дни...

Так и катился по наклонной, опуская себя до неузнаваемости.

Утро было серым и неприветливым. Накануне лили дожди, и он мок на своем пне до тех пор, пока не начинали ныть кости, заходил в хижину, ленился даже затопить заху-

далую печку, укладывался в постель и, укутавшись старым, суконным одеялом, лежал, отвернувшись к стене, вздыхая. Сегодня выполз раньше обычного. Увидев надвигающийся к нему туман, необычного цвета и формы, списал на голод. Мга приближалась и окутывала его со всех сторон, плотным облаком. Стало трудно дышать, и Жан отключился. В голове пронеслись лица всей семьи, что-то говорили, укоряли ему, только он не слышал и не понимал. Постепенно видение растаяло, он пришел в себя от влаги, падающей на его лицо, дождь лил как из ведра. Одежда полностью пришла в негодность. Спрятавшись в сторожке, сбросил все с себя, надел джинсы, предпоследнюю из прихваченных футболок и побрел к источнику. Напился как животное, став на колени и черпая рукой, смыл пыль с лица, затем вернулся к своему пню. Время перестало интересоваться, как и то, сколько дней прошло со времени его уединения. Как только он присел, дымка сразу окружила его, но не накрыла как прошлый раз. Поморгав, приучив свои глаза к новому в окружении его, Жан начал различать приближающийся к нему силуэт.

– Ты?! – Жан вскочил на ноги и отпрянул: – Как ты меня нашел?

Шедший к нему мужчина остановился в шагах десяти от него и возвышался своей мощью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.